

РУБЕЖ

1.

Заир. Недалеко от Киншасы разбился транспортный самолет... 300 человек погибли... 253 раненых.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Я сижу над книжкой-раскраской «Экваториальная Африка». Страница номер четыре – это Бельгийское Конго. В Конго снимался фильм «Искатели приключений» с Аленом Делоном, который играет там разжалованного летчика. Незавидная роль!

Для моей книжки-раскраски выбираем желтый фон. Но вообще-то сверху Африка не желтая, она буро-серая. Странно, что я нигде не видел ни одного поезда, целый континент и ни одной ленты поезда. Но, конечно, сверху, с высоты 6 километров, ни поездов, ни машинистов особенно не разглядишь. Говорят, что где-то в Конго они есть. Впрочем, это не железнодорожный и не географический рассказ. Я из другого министерства. В основном, я хочу раскрасить красками короткие заметки, которые напечатаны в «Огоньке» и в центральных газетах осенью 96-го года. Цифры из этих заметок ушли в строчки эпиграфа. А эти страшные факты повторяют уже шесть лет в авиационных отчетах и в сборниках. Вот две строки из паутины Интернета: «...еще около 300 человек погибших на земле вследствие падения ВС-Ан-32 на рынок г. Киншаса, Заир». Читатель относится к этой информации с черным юмором: представляете себе сверхметкого идиота, который упал на самолете с неба прямехонько на черный базар. Но я постараюсь раскрашивать свои картинки и черной и белой гуашью и удерживаться от эмоций. Вот рынок. Вот 297 погибших африканцев. Добавим к ним еще двоих. Моего бортмеханика Андрюшу Беляева. Таким образом, получается 298. А двести девяносто девятый – это я сам. Этот рассказ про меня.

МИСТЕР РОБИНСОН

Базар называется Симбазикида. Я сам не знаю, что это. Симба – это значит «держать», а Зикида – я не знаю, что это. Зикида – это на лингала. Может быть,

знают мои друзья. Но это не первый рынок в Киншасе. Первый рынок – это «Зандо». «Зандо» – это значит просто «базар». Конечно, рынок Симбазикида тоже можно называть «зандо», но так никто не говорит. А те, кто говорят только по-французски, назовут его скорее «гранд-марше». «Зандо» находится в самом центре Киншасы, а Симбазикида – на его окраине. Он всегда там находился.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Где я сейчас? Ты летишь над Африкой. Не упускай никаких мелочей и не отвлекайся! Думай!

Холодно. В мозгу замкнутый круг, который мне не порвать. Капитан, что же все-таки с тобой произошло? Сосредоточься, у тебя есть время распутать этот узел. Эта ночь без сна, и еще шесть сотен таких ночей сидеть в африканской тюрьме. Постарайся понять, кто дергал за веревочки! Но в сознании темно. Произошло нечто, о чем я не знаю. Огороди это место в пространстве! Скулы свело. Каждое действие как скользкий камень на краю водопада. Ставишь ногу, и ошибкой является лишь сам первый шаг, а дальше – смертельно скользко, и ты все время запаздываешь на один шаг. Но так происходит в обычной жизни, а я хочу писать только об авиации.

Я привык к тому, что мои знакомые почерпнули все свои сведения о ней из фильма «Небесный тихоход». Посмотрите еще фильм «Торпедоносцы», а потом поднимите голову в небо. Днем или ночью. Видите точку? Это летит самолет. Там люди, не сверхчеловеки. Обычные люди. У всех дети, жены. Жены изменяют и кричат, чем-то недовольны. Обещают выброситься в окно. Денег ни на что не хватает, течет кран на кухне. Тебя можно вынуть из этой жизни, и ничего не изменится. Даже у мамы. Даже ей своя жизнь куда интереснее, чем ее единственный сын. Мама знает, что я сижу в Заире. Она считает, что это около Бразилии, что я застрял в джунглях Амазонки. Когда-то я перегонял самолеты в Панаму, и маму это путает.

Не отвлекайся, вспоминай, что было дальше! «Я включил максимальное торможение». А дальше?

Дальше, за посадочной полосой, идет зона отчуждения. Я не обязан проверять, не прогуливаются ли там грибки. Я могу в течение одного дня взлетать в пяти странах.

И я не в состоянии проверять зону отчуждения на пяти аэродромах. Это не мое дело, это дело самих аэродромов. Или как вы себе это представляете? Что я должен приземляться и идти пешком проверять, нет ли у них на полосе отчуждения барахолки? Приземляешься в Шереметьево или во Внуково, перелезаешь через забор и идешь проверять, не открыли ли чеченцы на посадочной полосе вещевого базар. Не продают ли там кроссовки?

Не кричи! Только думай.

МИСТЕР РОБИНСОН

Киншаса будет по площади с Петербург. Но, конечно, это низкий город. Один или два этажа. Высокие дома только в центре и не больше 17-ти этажей. На 17-й этаж я легко забегаю без лифта. Второй рынок – это Гамбела. Это слово тоже ничего не значит. А вот мой дом находится между Гамбела и Симбазикида. Ровно-ровно посередине.

МЕСЬЕ ПАПИ КАЗАДИ

«Зикидаг» значит «узел». «Симбазикида» значит «держи узел»!

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Думай! Думай так, чтобы раскалывалась голова! Будешь напряженно думать, и тебе должна открыться суть. Играй в «тепло – холодно»!

При техническом осмотре было совершено нечто такое, что двигатели не выдали нужную мощность. Вот здесь «тепло».

«Аны», а я летаю на «АН»-32, – это производство Киева. И техосмотр делала бригада производителя, все русские, даже не хохлы. Да еще два моих придурка-техника болтались рядом, руки в карманах, мать их перемать.

«Аны» – это еще советские самолеты, последние, 91-го года, «горбачовцы».

Не могли же представители завода напортачить? Могли. За деньги могли все! Или не могли.

В любом случае, бортмеханик успел бы мне сообщить о любых отклонениях при разбеге. На это у него было чуть больше двадцати секунд. Но он ничего не сказал. Значит «холодно». Последними словами бортмеханика

было: «Параметры в норме!» Я часто произношу их про себя. Говоришь «параметры в норме» и улетаешь в вечность. Мне померещилось, что я медленно набираю скорость, но никто из экипажа мне об этом не доложил. Потом командир украинского самолета скажет: «Ты как-то медленно бежал!»

Вот здесь «тепло». И перегруз, конечно, был. Перегруз есть всегда. Иди попробуй проверь! В 96 году за границей летало 140 наших самолетов, и все они летают с перегрузом, если, конечно, они не возят боливийский кокаин. Это замкнутый круг: командир отвечает за перегруз, который он сам не в состоянии проверить. А проверяют перегруз службы аэропорта, которые за него не отвечают, с нами не взлетают и ничем не рискуют. Уловка 22! Дайте 50 долларов темнокожему весовщику, и он напишет вам в документах тот вес, который вам нужен! Какая разница, что было написано в моих бумажках?!

Видимо, на борту было намного больше семи тонн. На большом аэродроме я бы, конечно, взлетел и с перегрузом, но АН-32 все-таки не вертолет. Он с места не взлетает. Перегруз. «Тепло». Что греха таить, если был перегруз, то я мог это предвидеть. «Тепло». Но я ведь специально обратил внимание на амортизационные стойки, они были в порядке. И украинский борт находился совсем рядом, у них на глазах шла вся наша загрузка. Никогда не поверю, что они хотели нам навредить!

И еще: при передней центровке самолет шел бы клювом вниз, такого я не мог не заметить, но этого тоже не было.

Значит, перегруза или не было, или он был совсем ничтожным. Снова «холодно». Не может быть бесконечной вины. Моя вина по регламентирующим документам только в том, что я не послал второго пилота следить за нашей погрузкой. Только потому, что он поздно встал, и ему было лень ехать в аэропорт с техниками. И он должен был побриться. Если ему вообще есть чего брить. Но толку от него все равно не было никакого. Конечно, я виноват в том, что сам не взвесил каждый мешок, не пересчитал сам мешки, не набил каждый мешок зерном и рисом и не посмотрел, нет ли в зерне зарытых фаустпатронов и противопехотных мин.

Где я сейчас?

Ты ищешь себе оправдание. Не трать на это силы!

Предположить, что плохие люди рассчитали, что самолету будет не взлететь и он наедет на черных старух, – нет, этого я не могу. Слишком тонко. Скорее всего, никакого вредительства вообще не было. «Холодно», всюду «холодно».

Предположить, что свое собственное посольство пыталось нас погубить, потому что мы работаем на партизан, – вот это, конечно, возможно. Вполне разумное рассуждение! С наших станется. Но я так не думаю. Это, как в шахматах, съедание своего собственного белого короля. И я постараюсь этот вариант не рассматривать. Моим рассуждениям он ничегошеньки не даст, а завести может тоже слишком далеко.

Чутье подсказывает, что на большом аэродроме я бы оторвался. В этом я почти уверен. А тут была коротенькая дорожка, в обрез. На такие аэродромы, да еще за копейки, западных летчиков не загонишь, вот поэтому нас и нанимают.

Или, может быть, всему виной какое-нибудь банальное разгильдяйство техников. Вот здесь тоже очень, очень «тепло».

Следить за весом должен был мой арендатор. Действующие лица: темнокожий арендатор и белые поденщики. Но арендатор следил только за тем, чтобы мы не летали слишком пустыми.

Ничего не могу придумать. Украинцы – ведь это такие же мы, да еще у меня в самолете сидел их собственный украинский штурман. Этот штурман тоже больше, наверное, не взлетит.

Когда он понял, что мы врезаемся, он побежал в хвост, и его там помяло. Потом украинец отвалит через люк одним из первых, и его увезут свои. Быстро мы с ними стали «чужие» и «свои»! «Холодно». Всех проверь. Даже родную маму. Мама была в Хабаровске – у нее алиби.

Опять прокручивай все с осени. Я пригнал туда самолет и ввел экипаж – вводил командира и второго пилота. Из Москвы идут такие экипажи, что их приходится вводить за границей. Сплошной блат на блате, их мать. Вместо Братска или Абакана мы вводим их в Йоханесбурге. Это еще те экипажи. И если вам, например, хочется слетать в Йоханесбург и попробовать мозамбикских креветок, то за креветками лучше летать на иностранных самолетах, на «Боингах», хоть такие советы не очень патриотичны. А капитан воздушного судна, по определению, должен быть патриотом! Ведь у нас принцип, что ты

Родине должен все, а она тебе – ничего. И все равно ты должен любить Родину до мозга костей.

Сейчас вторым пилотом у меня сидел слабый-преслабый мальчик, которого нельзя было никуда выпускать. Пустое место! За два дня до полета его прислали ко мне из Москвы. Попробуй от него откажись! И пилота получше, на другом конце земли, где-то в идиотской пустыне, мне тоже взять негде! А докладывать об этом некому, потому что в руководстве нашей компании сидит в основном всякая сволочь, которая не выносит летчиков. Вот если бы им можно было иметь авиацию без летчиков! И самолеты с начальством летали бы сами! Блеск!

Стоп! Еще раз. Украинцы стоят и смотрят, как идет моя погрузка. Сколько до них? Нисколько. Рядом. И их штурман летит с нами. Нет. Все-таки, конечно, разумеется, это не они.

Американцы, которые заходили ко мне в камеру, говорили мне, что меня кто-то подставил.

Между прочим, это легко могли сделать и сами американцы! Стоп. Но все-таки мы работали не на коммунистов. Значит, это не американцы.

А не могли ли меня сбить? Меня не могли сбить. Я не падал.

Не было ли кого-нибудь, кто должен был лететь с нами и сбежал? Стоп. Такой человек был! Это был штурман из экипажа, который мы сменили. Он должен был вводить моего собственного штурмана, что ему на смену я привез с собой из Питера. Но москвич наотрез отказался с нами лететь. В последние три дня перед сменой старый экипаж практически не поднимался в воздух. Кстати, почему?! Стоп! Разгадка может быть здесь! Опытного московского штурмана нужно было брать с собой обязательно.

Я просил на восьмое число оставить мне штурмана, только одного штурмана, но обязательно на весь день.

Там вообще никаких ориентиров: грунтовая полоса, средств радиотехнической ориентировки нет, маркировки – нет! Очень однообразный рельеф.

И карты мало, обязательно должна быть «провозка»: штурман, который там уже побывал, показывает «новенькому» весь путь. Вот в этом мне было отказано. В общем-то, это плюнуть своему коллеге в лицо, хоть причины формальные для отказа были: штурман не хотел лететь, потому что у него кончился срок действия «свидетельства специалиста»! Прекрасная обоснованная причина! Правда, он кончился за месяц до нашего приезда! И весь месяц декабрь, москвич, знай себе, летал...

Но все это несерьезно: свинство, конечно, но не больше.

Разумеется, старый штурман ни при чем! И старый экипаж ни при чем!

Еще не хватает, чтобы я стал сомневаться в своих товарищах! Хоть они, подлецы, и оставили мне самолет, скрыв часы налета. Но это все мелочи. Они не покушались на мою жизнь! А кто-то пришел именно за ней!

Где я сейчас?

Ты в бараке для VIP-заключенных.

Для политических и для белых.

Звучит, как ВИЧ-инфицированных. Для красных и для белых! Первый и последний раз в жизни я стал VIP-персоной. «Белый бвана»! Где ты сейчас, Вип-персона?

Я считаю, что мне сидеть еще целых полгода, но отряды Кабиллы уже подходят к Киншасе.

А сейчас уплываем назад: утро восьмого января 1996 года. Картина называется рождество в Экваториальной Африке. Европейский пилот в ослепительно белой форме подъезжает к своему современному турбореактивному лайнеру. (Не будем называть мой лайнер его традиционной кличкой «чебурашка»!) Седовласый черный лодмастер вручает пилоту каргоманифест. И все остальные сомнительные документы, в которых Ангола не прописана. Все тип-топ. Руку под козырек. Хорошего полета! You are cleared for take off.

Taking off. Поехали. Начинаем разбег.

Того, кто загружал мой самолет, «лодмастера», даже не отдадут под суд. Администрацию авиакомпании тоже не отдадут под суд! Но лодмастер – со всеми документами на груз, ведь он полетел с нами! Мистер «черный призрак»!

Лодмастеразовут романтическим именем Адольф – это редкое имя даже для Конго. И он первый сбежит через форточку! Потом его допросят и отпустят. И Адольф поклянется на Библии, что груз был в соответствии с документами. Или на Коране, на чем-то он, сволочь, клялся.

Стоп. Опытный, выдавший виды лодмастер. При явном перегрузе он бы не полетел. Или полетел бы? Я не могу влезть в его буйную голову.

Если предположить, что перегруз был...

Черный ящик. Не знаю и, видимо, никогда не узнаю. Не много! Да, пока не очень много.

2.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Катастрофа.

От взлета до торможения 43 секунды.

Ndola tower, this is 222622. How do you hear me?

222622 starting in 5 minutes.

«8-е января 1996 года». Мы это докладываем магнитофону. «Летим в Мулунду, высота ...» – это последний пункт перед заирской границей, который я называю диспетчерам. Но черта с два, никаких Мулунду, мы летим к повстанцам в Анголу. Система ценностей, сейчас мы ее проверим. И заодно проверим свою жизнь. А также чужие жизни.

Start up, clearance. Проверим свою линию карьеры. Разрешите запуск. И любви. Диспетчер, разрешите запуск.

Разрешаю. Cleared to start.

Сейчас я совершаю все операции по запуску. Запустились. Включены

генераторы, включены все потребители. Все готово, жизнь благополучно близится к концу.

Ready to taxi. Сейчас поедem к месту старта. Requesting taxi clearance.

Runway 12. You're second to go after...

Вижу, вижу, передо мной стартует местный Дуглас!

Полоса 12. Номер полосы пишется за зеброй, обратите на нее внимание, когда вас отправят в командировку в Саратов. В Пулково вы выруливаете на 28-ю. Это значит, что полоса залегает под углом в 280 градусов – это направление вашего ухода в небо. Мне теперь эта цифра только снится.

222622 cleared to holding position.

Стоим на рулежной дорожке.

Я буду тормозить 3 или 4 секунды, и это произойдет совсем скоро, всего через несколько минут. Я рассказываю о том, как за три секунды рушится все здание жизни.

Line up position.

Небольшой экскурс в темный карман времени, всего на три секунды.

Ready to take off. Сейчас постарайтесь не торопиться. Взлет – это момент истины. И момент просветления. Когда вы вспоминаете закон Бойля-Мариотта. Или вам становится понятно, почему вокруг Солнца вертится Земля и почему люди такие, а не другие. А напоследок все, что вы наворотили в своей жизни, совершает перед вами настоящий парад алле.

Для меня очередной взлет не был ничем. Это был момент, когда я вез партизанам Анголы банки фасоли и итальянские макароны. Макароны очень укрепляют революционный дух повстанца.

Борт «ту-ту-ту-сикс-ту-ту реди ту тэйк оф». Мы готовы.

You are cleared for take off.

Taking off. Поехали. Начинаем разбег. Командир смотрит в этот момент только на осевую. 100. 110.

Скорость нарастает!

«Рубеж!» – это говорит штурман. Это значит, мы достигли 165-ти км в час, и, если отказал один из двигателей, мы все равно должны взлетать. Англичане называют его «point of no return».

В этот момент командир говорит вслух: «Продолжаем взлет!»

Штурман: «180.190.200.Подъем».

Дальше штурман должен сказать «отрыв», но отрыва не было.

Еще раз считайте: самолет побежал, а на сороковой секунде я прекратил взлет и начал тормозить. Или на 39-й. А на сорок первой секунде самолет уже стоял.

Послушайте еще раз!

Самолет бежит, разбегается.

«Подъем!».

Создаю угол атаки: для: этого я беру штурвал на себя, и он должен поднять переднюю ногу. Должен.

Он не поднял переднюю ногу. Я успел прореветь второму пилоту Бучкову: «Помогай тянуть штурвал!», хоть чем он мог мне помочь?! Спеть колыбельную песню. Я уже сам начал экстренное торможение. Я полностью взял штурвал на себя. И сразу начал тормозить.

Все это абсолютно скоротечно. Еще первый пилот должен крикнуть бортмеханику: «Руд ноль, винты с упора, тормозим...». И приказ экипажу: «Прекращаем взлет, экстренное торможение!»

Если бы я стал произносить эти заклинания, то мы бы успели проехать еще метров пятьсот... я сам руды убрал на ноль и крикнул: «Снимай винты с упора!» Но может быть, за секунду до смерти бортмеханик Андрюша тоже принял правильное решение и пытался сделать это сам. Подсознательно я знал, что нам конец.

Все похолодело.

Неотвратимое наступило.

Два рычага вниз.

Аварийные тормоза расположены страшно неудобно, они под ногами у бортмеханика.

А ты летишь как пуля из ствола.

Остановить ее нельзя.

В это время мы уже вспороли какую-то грузовую машину и начали скачки по палаткам.

Секунды. Что такое три секунды? Я сижу с секундомером и пытаюсь за три секунды досчитать до пяти.

На разбеге самолет не поднял ногу. Это может быть или при смещении центровки – груз смещен вперед.

Или перегруз. Или и то и другое.

Но вел себя самолет так, что у меня не было никаких оснований чувствовать перегруз. У меня есть четверть секунды для принятия решения. Торможу! Нужно сразу останавливаться.

Взлет немедленно прекращается. До этого такая ситуация была со мной в 81 году на ЯК сорок в Перми. В условиях обледенения. Чтобы это вспомнить, мне понадобится еще четверть секунды.

Штурвал не двигался.

Как будто вставили лом. Аналогичная ситуация была, когда разбился Боровик. Я предполагаю, что при взлете на руле высоты у них отложилась тоненькая кромочка льда. И пока скорость нарастала, эта корочка быстро росла, и, разумеется, самолет свалился на одно крыло. Скорость меньше эволютивной – и все, крышка, ты свалился.

Тогда в Перми я не оторвался. Я смог затормозить.

А если бы тогда на посадочной полосе в Перми был продуктовый рынок?

Вот и вся моя история. О которой московские эксперты глубокомысленно напишут в приказе, что они очень удивляются, что КВС не принял своевременно решения о прекращении взлета. На какой секунде из этих трех? На первой? Или на второй? КВС – это я. 200 метров КВС тормозил, а потом еще полторы секунды торможения КВС был без сознания, и это заняло еще 180 метров за забором.

МИСТЕР РОБИНСОН

Нет там никакого забора и никогда не было. Это точно.

Может быть, за забор они приняли первые ряды палаток, которые были натянуты на металлических шестах.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

На момент удара я выключился, потом, когда я очнулся, – я лежал на штурвале, а на мне лежал бортмеханик.

Фонарь полностью запорошило, и я даже не сразу понял, где я нахожусь.

Вы хотите спросить, что я вспомнил за эти три секунды? Может быть, я вспоминал маму, любимых, семью, родную деревню, учительницу Марию Васильевну? Но я никого не вспоминал. И я ни с кем не прощался. Я ни о чем не думал. Я только тормозил. По инструкции я должен был только тормозить, и именно это я делал. Я находился на своей территории. Это моя законная территория: посадочная полоса и еще километр – зона отчуждения. Это только мое! Я не мог никуда сворачивать, я не успевал ничего. Только нажимать на тормоз. Вы слышали истории про героических летчиков, которые в последнюю секунду стараются отвернуть самолет от населенного жилого квартала. Это сказки и детские выдумки. Никто никуда не успевает отвернуть. Когда я через мгновение очнулся и пришел в себя, прежний мир перестал существовать. Гарь, кровь, вой. Фонарь был не смят, и стекла вроде бы целы, но смрад стоял ужасный. Я взглянул в левую форточку: кругом был огонь и беснующееся кровавое месиво. Так должен выглядеть ад, если он существует.

.....

.....

Я был весь в крови. И если бы только в ней. Бортмеханику снесло полчерепа, и все, что от него оставалось, лежало у меня на плечах и на лице. Откуда-то я услышал свой мертвый голос: «Открыть люк и покинуть самолет!» Потом я увидел, как команда судорожно выскакивает через верхний аварийный люк. Могли выпрыгивать через проломленный блистер, было бы быстрее. Андрюша, Андрюша, мне одному тебя не вытащить... прости меня, что я тебя тут бросаю... мне совсем не хотелось выбираться из самолета, но тянуть было уже невозможно. Из груди его торчал шест, которым его пригвоздило к креслу. Хотел бы я быть на месте бортмеханика? Черт его знает! Я ни о чем тогда не думал, просто был в шоке.

МИСТЕР РОБИНСОН

Школа моя ближе к Зандо. Когда я вышел с уроков, все уже произошло. Я пришел домой, и мужчина моей сестры Роберт сказал, что он был утром на Симбазикида. Купил несколько ящиков воды для своей библейской школы. Но Роберт успел с рынка вовремя уйти. А потом прибежал Буксон и сказал, что его продавцу-соседу оторвало голову винтами и вся семья катается по полу и рыдает.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Самолет начинал гореть, и я вытер лицо какой-то тряпкой и полез наружу. Вокруг самолета бесновалась толпа, и мне что-то кричал штурман. Пламя подбиралось к кабине. Рядом с экипажем уже стояли полицейские с ружьями. Я прыгнул к ним сверху: ноги мне придавило во время удара, но переломов, кажется, не было.

«Наставление по производству полетов в гражданской авиации СССР от 1987 года. Глава 9 параграф 4 пункт 4. Для КВС, выполняющих международные полеты. Командир покидает воздушное судно последним».

Журнал ОГОНЕК 27 авг. 96 года: «...Пилотов арестовали немедленно... скорее, для их же безопасности, для избежания расправы на месте...».

МИСТЕР РОБИНСОН

Нет. Есть отдельные горные районы, где толпа может разорвать на части шофера, который по своей вине, по беспечности или пьяный наехал на людей. Но в Заире считают, что это сумасшедшие районы. Авиакатастрофа – это

настоящая беда. Ведь никто не понимал, что произошло, это могло быть терактом.

МЕСЬЕ ПАПИ КАЗАДИ

Могли, могли разорвать. Ведь это толпа, она живет по своим законам!

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Со слов наших посольских я знаю, что толпа растащила все и от самолета не осталось живого места. Один хвост и двигатель. Их было не унести.

МИСТЕР РОБИНСОН

«Толпа» ничего «растащить» не могла.

Мы не племя, мы не пляшем вокруг костров. Вы думаете, что кругом лежат люди с отрубленными головами, а остальные тащат фасоль и макароны? Сейчас уже не пятнадцатый век!

Наши люди стояли целый час, окружив самолет на далеком расстоянии, и плакали. Самолет горел, но не взрывался. А они просто стояли и плакали.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Даже если это был городской базар, там не могло быть такого количества жертв! Я точно знаю, что трупы стаскивали на это пепелище со всей Киншасы. Надеялись получить большую страховку. Хоть чего с нас получишь!

МИСТЕР РОБИНСОН

Какие трупы? В Киншасе не было никаких трупов! Это был спокойный южный город. Люди всегда ходили по улицам и друг другу улыбались. В Петербурге же нет никаких трупов, которые можно «стаскивать»? И в Туле нет трупов! А в Киншасе их было еще меньше. Я думаю, что и 300 мертвых человек – это еще немного. Это был фарш из мертвых и неживых. Хорошо, что не были задеты каменные здания, а только выбиты стекла и задеты какие-то двери. Но там тоже было много-много людей.

МЕСЬЕ ПАПИ КАЗАДИ

Это не просто каменные здания, это настоящие жилые дома, в которых живут люди. Жилые дома стоят почти на полосе взлета самолета, и все это прекрасно знали.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Горел самолет Б 222622 – это один из моих питерских самолетов.

Я помню номер этой машины лучше, чем номер своего паспорта.

Вот вам мои три секунды. За три секунды три раза можно прокричать Советский Союз. «Советский Союз, Советский Союз, Советский Союз». Еще можно пропеть: «Хорошо, хорошо, что мы пилоты. Небо наш...»

Но вот произнести «небо наш родимый дом» я уже не успеваю.

Да я и не успел взлететь: в небе меня не было.

3.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Где я сейчас? Ты на свободе, ты живешь на 4 этаже на набережной вонючего Обводного канала.

Это не река Конго? Нет, это не река Конго.

Много комаров, поэтому я подумал, что все-таки, может быть, Конго.

МИСТЕР РОБИНСОН

В настоящий момент и я живу на берегу «вонючего» Обводного канала среди друзей. Это город Санкт-Петербург. Это не река Конго: Конго – большая река, намного больше Невы, ее трудно переплыть. Имя свое мистер Робинсон я придумал себе сам. Оно не очень заирское, но теперь все так зовут меня, даже моя мама.

У моей мамы есть небольшая плантация арахиса, прямо внутри Киншасы, там работает несколько рабочих из деревни. Я уже несколько лет живу среди белокожих, и мне это не очень нравится.

Я не могу сказать, что я живу в слишком обеспеченной семье, но моя мама зарабатывает больше среднего уровня. Поэтому, например, у нас дома не говорят на «лингала». На «лингала» говорят только необразованные люди. На улице если ты услышишь, что говорят на «лингала», значит, это необразованный человек. В основном в школе моей говорят по-французски, а на нашем родном языке там даже не открывают рта. И вообще не учат никаких других языков кроме французского. Наша страна раньше называлась бельгийским Конго. И хозяевами ее всегда были бельгийцы.

Поэтому наши люди не очень любят бельгийцев. Молодые нормально относятся к бельгийцам. А старые говорят: «Вы просто не знаете этих белокожих, подождите, юноши, они вам еще покажут, на что они способны!» Уже несколько лет я часто вспоминаю эти слова, а иногда даже произношу их сам.

МЕСЬЕ ПАПИ КАЗАДИ

Я говорю на лингала. Я люблю говорить на лингала, хоть вся моя семья говорит дома на суахили, потому что мы приехали в Киншасу с востока.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Жизнь не то что полностью бесправна, но если ты хочешь летать, то есть два варианта. Или, как знаменитый теннисист, имей свой самолет, или летай на чужих, на дядиных! Третьего не дано. Теоретически, может быть, и можно хорошо поработать и накопить себе на шведский грузовик, но вот на свой собственный горбатый грузовой самолет накопить сложно. Нужно очень долго копить, приблизительно 600 лет. А летчик вообще-то должен летать. Вот сейчас я представляю собой пример нелетающего летчика: при моей подготовке это стоит государству примерно 300 тысяч долларов! Это примерная стоимость игрока средней линии ярославской команды «Шинник». Предлагаю себя даром, даже еще дешевле, но почему-то нет спроса! Слушайте, между прочим, я хороший летчик, скажем даже – очень хороший. Но это, видимо, не «редкая птица»: в красную книгу не записывают, и отстрелу подлежит. Сейчас я вспоминаю, что кончил летное училище с отличием. Немедленно стирать из памяти, эта информация больше никогда никому не пригодится!

Все-таки и мне самому иногда непонятно, о чем же я разговаривал сам с собой в заключении?

Когда пару месяцев назад украинская ракета сбила наш самолет, то их президент К. сказал, что «не нужно делать из этого трагедии, бывают вещи и пострашнее»! Или что-то в этом роде, и я даже думал взять его слова эпиграфом к своему рассказу. Потому что это серьезные слова в устах президента большой страны, и хорошо все-таки, что карьера моя и жизнь не проходят на Украине. Жить под властью такого президента мне бы не хотелось. Даже надутый диктатор Мобуту выдал из себя слова сожаления. Он сказал, что гибель 300 человек – это большая трагедия. Он не добавил только, что погубил их он сам, а не я.

Где я сейчас? Ты уже вернулся и позвонил ей из аэропорта. И она сказала, что она не одна. Раньше я видел такое только в мелодрамах. Женская верность – это швейцарский банк.

МИСТЕР РОБИНСОН

На Симбазикида вообще не продают вещи. Там можно купить много бутылок с водой, в Африке много пьют, и еще в палатках продаются французские вина. Но это рынок для бедных, и вино там для бедных. Мама тоже отдает наш арахис, чтобы его продавали на рынках, но только не на Симбазикида! Сейчас люди заходят на этот рынок редко, но я знаю его как пальцы своей руки. Там прямо к прилавкам идет шоссе, которое, как крест, пересекает взлетную полосу. Я – очень верующий человек, и мне всюду мерещатся кресты. Вот здесь был такой крест. И сколько я себя помню, шел разговор, чтобы закрыть или рынок Симбазикида, или аэропорт Ндол'о. Ударение на последней букве, а то не так красиво звучит. Или одно или другое. Это не очень известный аэропорт. Тоже не знаю, что означает это слово Ндоло. Очень много слов на лингала, которые непонятного значения. И это не очень известный рынок. Это оптовый рынок. Такие рынки есть в Петербурге. Вокруг несколько двухэтажных зданий, а внутри ряд палаток. Это старый рынок. Он там был всегда. И аэропорт был всегда. Они там был еще при бельгийцах, когда летали маленькие моторные самолеты, и сколько я себя помню, торговцы всегда боялись, что их закроют. Потому что хоть всем людям и интересно, что над ними взлетает самолет, но все-таки это еще и очень опасно. На Симбазикида продают ящиками или мешками. Конечно, тебе могут продать и бутылку, но за одной бутылкой на другой конец города никто не поедет. И вот там в то утро были в основном небогатые люди, которые хотели купить подешевле и которые

говорят на лингала. Если вы хотите купить сразу 10 бутылок кукурузного масла, то вы едете на Симбазикида.

МЕСЬЕ ПАПИ КАЗАДИ

Моя мама покупает на Симбазикида. Она покупает там большие мешки фу- фу, из которой делают очень вкусную кашу!

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Холодно. Аэродром в Анголе, на который мы садились, страшно удобный. Садись на него в одну сторону, а взлетаешь только в противоположную. И лучше эти стороны не путать! Потому что тебя при взлете могут сбить правительственные войска, а молдован и украинцев, которые летают на правительство, наши клиенты – партизаны Униты прекрасно сбивают при посадке. Все это называется «русской рулеткой»: дуло к виску и верти барабан!

Полосы отчуждения там тоже нет. Правительственные войска – это коммунистический режим, и хоть в этом смысле я чист перед историей. Унита контролирует запасы алмазов. В этом они правы: коммунистам алмазы ни к чему. Где я сейчас? Ты сидишь. Все небо в ангольских алмазах. Много еще сидеть? Много.

МИСТЕР РОБИНСОН

Прямо за посадочной полосой была немного грязь, а потом уже дорога и начинался рынок. Я говорю об этом, потому что сам, погуляв по рынку, много раз ходил пешком в технический университет авиации, в котором готовят электромехаников и механиков самолетов. Он называется И.С.Т.А.

Т.А. – это как раз и значит «техник авиасъен». В него идешь наискосок, а тогда пересекаешь и рынок, и саму взлетную полосу, конечно, когда на ней не взлетают самолеты. Охраны там не было: и так было понятно, что люди не сумасшедшие, чтобы идти по этой дороге прямо навстречу самолету!

МЕСЬЕ ПАПИ КАЗАДИ

Я учился в университете авиации, и в тот день, а это был понедельник, я должен был идти на занятия. Но у меня было страшное предчувствие. Я расскажу об этом позже, сейчас мне очень тяжело говорить.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Я не падал на базар Киншасы. Я раздавил его очень большим тяжелым грузовиком, который отказался взлетать. Как в сказке, проехался на печи. Я должен сосредоточиться и понять, почему самолет не взлетел. Нужно целеустремленно думать, и можно догадаться, это в человеческих силах. Должна существовать причина, помешавшая мне взлететь! Кому-то это было выгодно. «Очень тепло». Где я сейчас? Ты чего-то говорил про честь летчика. «Честью печки не натопишь!»

МИСТЕР РОБИНСОН

Про нас не очень точно говорить «эбонитовый». Камерунцы и суданцы – про них можно сказать эбонитовый. Они ровного черного цвета, даже нигерийцы чернее, чем мы. Моя невеста из Нигерии. В Нигерии очень красивые девушки. Мы говорим с ней пока по-английски, но она учит французский, и моя мама знает, что скоро мы с Эди вернемся в Заир. Эди уже сама звонит в Киншасу и говорит с моей семьей. Моя невеста – инженер-электроник, в Заире для нее полно работы.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Мне нужно устроиться на работу пилотом. Это в известной степени вызов моей жизни – неужели я больше никогда никуда не смогу устроиться?! Пора мне уже полетать. Я не могу так долго сидеть на земле.

ОК. Rolling. Поехали. Начинаем разбег.

Где я сейчас? Ты сидишь в тюрьме, пока работать не надо. Посольские принесли марлечку от комаров, и я прилепил ее к окну жеваным хлебом.

Думай, думай. Не спать. Ты проиграл все: жену, работу, дом, друзей. Теперь ты просто не очень благополучный летчик. Такое клеймо на лоб. И у тебя осталась только честь летчика, которой тебя пытаются лишить. И от момента полного благополучия до полного неблагополучия прошло всего три секунды. 2,9 – отмерьте их себе на секундомере.

ШТУРМАН

Теперь как это было, попробую рассказать я. Я – штурман, и еще я – лидировщик. Это как лоцман на море. Летит, например, иностранный самолет

над Сибирью, и они предпочитают не рисковать и брать с собой наших штурманов. Такие штурмана называются «лидеровщиками». Летаю я уже двадцать лет. Прежде всего, свидетельствую: базара я тоже не видел. И забора не видел. Хотя я дважды поднимался с того аэродрома, когда меня брали с собой украинцы. Но я возвращаюсь на короткую взлетную полосу. К моменту, который называется «конец карты». То есть все уже сказали «к взлету готов», и я прошу разрешение на взлет. Это функция штурмана. You are cleared for take off. Taking off. Поехали. Начинаем разбег. С этого момента я слежу за скоростью. Визуально скорость проконтролировать нельзя, ее можно определить только по приборам. Но как быстро самолет набирает скорость – вот это может заметить только один штурман.

Обратил ли я на это внимание? Это очень важно. Вы не представляете себе, как это важно. Все жизни зависели от того, с какой скоростью движется черная стрелка. И я должен это предельно ясно помнить. Но я не помню. Я не могу сейчас вспомнить. Есть масса действий, которые ты производишь автоматически, потом их в памяти не восстановить. Если какие-то отклонения были, то они были, наверное, несущественными. Во всяком случае, для большого аэродрома. Но аэродром оказался небольшим.

Со 110 я называю скорость вслух. Вот я называю 165 – РУБЕЖ, в это момент летчик принимает решение: он взлетает или, если что-то не так, он прекращает взлет. А что если бы мы начали тормозить на «рубеже»? Для торможения на «рубеже» у нас просто не было повода, но мы все равно бы выскочили на этот злосчастный базар. Это была не ошибка, это была судьба.

4.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Я оторвался от земли в ярославском аэроклубе. На самолете ЯК-18, и было это в холодном снежном марте. Первый полет я помню плохо. Взлетал я как спортсмен. Один. Вторая кабина была пустой. Летчик должен летать один. Ничего романтического в этом, я вас уверяю, нет, одни заученные движения. У меня вся жизнь – заученные движения. Поэтому я не всегда готов к тому, что что-то идет не по стандарту. 12 часов я летал с инструктором.

Взлет-посадка, этому можно научиться за две недели и дальше летать по кругу. Взлет, 4 разворота, посадка, прямоугольный маршрут. Забыть нельзя, но волнения в крови нет.

Родители мои мотались по всему свету. Жил и в Красноярске, и в Куйбышеве, и в Двинске, и в Кирове, и в Вологде. Дети кочующих провинциальных актеров – самая незащищенная часть населения. Их нужно отправлять на пенсию лет в тридцать пять. Или запретить провинциальным актрисам рожать. Я не встречал еще ни одного актерского ребенка с благополучной судьбой.

МИСТЕР РОБИНСОН

Я шел со своим другом по улице в городе Вологда. Мы приехали навестить этого друга. Была зима. Но очень ярко светило солнце. Точно как в Заире, но оно совсем не грело. Возле нас остановилась машина джип, и из нее вышло двое мужчин. Они были очень вежливыми. Они извинились и сказали: «Никогда не видели ничего такого, подобного вам. Только по телевизору!» – они с трудом подыскивали слова: «Как может быть, что вы говорите по-русски? Пожалуйста, не обижайтесь. Можно с вами сфотографироваться?» Они нам обещали, что фотография будет висеть на стене и что к ним будет приходить смотреть вся большая деревня. В заирских деревнях так сбегаются смотреть на белокожих. Но там их никто не бьет. То, что хулиганы называют нас «негритосами», – это не так важно. Важно, что у вас в Петербурге и в Москве рискованно ходить по улицам.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Шум страшный в наушниках, я плохо вас слышу. Набрали эшелон – включили автопилот, сейчас я могу разговаривать.

Только контролирую ситуацию. 4

В 73 году я был уже в Краснокутском летном училище. Это было среднеспециальное училище. Высших тогда почти не было. Одно высшее, в Питере. Но в летные училища всегда попасть было тяжело. Слишком придираются к здоровью. Потом уже тебя, например, не станут списывать по «давлению», а принять тебя с «давлением» никогда не примут. Про что еще рассказать? В советское время, чтобы стать командиром, нужно было стать членом партии или кандидатом. Мой случай был вопиющим. Я стал командиром

в 28 лет. Сыграло роль, что закончил училище с красным дипломом и похвальной грамотой, нас таких фанатов было 20 на 600 из выпуска. И был специальный указ Верховного Совета отправить нас на переучивание на ЯК-40. Это было уже серьезной работой. За первый год я налетал 600 часов, считайте, что я жил в воздухе.

Сейчас от Аэрофлота осталось одно Шереметьево, компаний расплодилось – видимо-невидимо, сотен пять! А тогда была единая империя Аэрофлот, она отгораживала нас от мира Великой китайской стеной. В той жизни было очень много гарантий! И было полно работы. После летного училища летал в Якутии, в Алдане, потом под Уфой, в Темиртау. Всюду летал. 15 лет транспортной работы.

В авиации ведь рядовые летчики летают на одном типе самолетов. И такого, чтобы сегодня ты на «Мерседесе», а послезавтра садишься на «Москвич», – у нас этого нет.

С самолета на самолет надо переучиваться. Я однажды пересел с ЯК-40 на Ан-32, но до сих пор больше люблю турбореактивные. Винты слишком сильно гудят, и в основном моя летная жизнь происходила на ЯК-40: 5 тысяч часов, у меня громадный командирский налет. Но так уж получилось, что пришлось пересаживаться. Называется это – «по личным мотивам»! Рассказывать об этом противно! Прошел снова ввод в строй и пошел трубить на АНах. Не слышу вас, говорите громче! ВС – это воздушное судно. А КВС, соответственно, его командир. Не путайте с КВ, с КВД и КВНом!

Жил я в Калуге, и в Калуге я развелся. А вы где развелись? Можно не отвечать. Я не верю в брак. Вернее, не верю, что может быть такая идеальная пара людей, что они не испортят жизнь друг другу, так что любая любовь в конце концов превращается в ненависть и в домашний ад. И приходится пересаживаться на Ан-32.

МИСТЕР РОБИНСОН

Когда я приехал в Россию, то я смотрел на себя или на вас просто как на человека. Но белокожие постепенно приучили меня так не думать. В России ты должен сначала думать о себе как о черном, а потом уже как о человеке. Сейчас становится очень хуже. Мы сидим в своих общежитиях и стараемся вообще лишний раз не выходить на улицу, а наше правительство решило вообще в

Россию больше студентов не посылать. Каждую неделю нас очень сильно грабят или выбивают зубы. Тут есть такие группы скинхэдов. Зимой, например, они даже не бреют голову, но вы все равно видите, что это скинхэд.

У нас в институте, конечно, никто тебя не бьет и не выбивает зубы, но преподаватели сразу дают понять тебе, что ты из Африки и ты не можешь понимать ничего ни в науке, ни в математике, ни в компьютере.

МЕСЬЕ ПАПИ КАЗАДИ

Обратите внимание на шрам у меня на лбу и вот здесь кость перед ухом, там был перелом, который неправильно сросся.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Мои мать с отцом живут в Сибири. Я их много лет не видел. Да они и друг друга давно не помнят. Но когда все случилось, они слышали об этом по центральному телевидению. С отцом у меня отношения прохладные, а к матери в Хабаровск мне теперь просто не слетать, не по деньгам. 14 «тыщ» на билет туда-обратно. Раньше летчик имел раз в год право на бесплатный билет, но это было много тысяч лет назад, точнее в прошлом тысячелетии. Ехать семь дней из Питера через всю страну на поезде мне как-то не решиться. А из Киншасы вообще поезда никуда не идут.

МИСТЕР РОБИНСОН

И в Киншасу поезда не идут. Я не видел свою мать уже пять лет. И своих двух братьев и сестер я давно уже не видел. У меня 15 племянников. Я знаю всех по именам.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Я вообще организатор. Мне нравится, и я хорошо это делаю. И меня пригласили в качестве командира эскадрильи.

Если летят пассажиры – кабина на запор. Даже если с тобой летит единственный сопровождающий груз. «Все стволы – в кабину». Никаких «Аллах акбар!» мне не нужно. Командир может даже сделать личный досмотр и применить оружие. Правда, оружия у нас нет. Но чаще всего мы летаем одни. Раньше вообще на всех самолетах было строго: стюардесса стучится – бортмеханик смотрит в глазок. Один выходит – хоп, дверь закрыли. Но на

грузовых самолетах стюардессы, к счастью, не летают. Про женщин я бы в этом рассказе вообще писать не хотел. В особенности про белых.

Это поразительное умение – не доверять ни одной женщине. Особенно тем, которых любишь. Мне понадобилась вся жизнь, чтобы этому научиться.

МИСТЕР РОБИНСОН

Когда я уезжал в Россию, то родные говорили мне, что продолжай, Робинсон, относиться серьезно к сексу. Не так, как относятся белокожие. С таким менталитетом нам нельзя возвращаться в Африку. Для нас это очень серьезно.

До своей девушки я даже ни разу ни с одной не целовался. В нашей школе нельзя было, например, увидеть, что парень с девушкой целуются. За это могли сразу исключить из школы. Так что если у вас есть мнение, что африканцы все время занимаются сексом, то это мнение неправильное. Это совсем наоборот. Белые считают, что секс – это ничего, что его можно сделать как угодно. А для нас это всегда важный ритуал. И если показывают девушек с голой грудью в каких-нибудь далеких деревнях, то до этой груди ни в коем случае нельзя дотрагиваться. Поверьте мне, ни в коем случае!

МЕСЬЕ ПАПИ КАЗАДИ

У нас не бывает такое, что девушка беременна до свадьбы. Это очень большой позор!

И аборт у нас почти не бывает, если ловят девушку, которой сделали аборт, то в тюрьму сажают всех троих: и девушку, и врача, и еще ее парня!

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Я летал только вводным. Это как пилот-инструктор.

Минимум у меня очень высокий. Минимум – это, грубо говоря, высота видимости, при которой я имею право взлетать. Вторым пилотом я, конечно, тоже летал, но уже давно.

Хоть вторым летать спокойнее. Голова ни за что не болит. Но если слева от тебя пилот менее опытный и менее профессиональный, то не то чтобы чувствуешь ревность, но, разумеется, противно.

Традиции, уважение к специалистам – у нас, как всюду в постсоветском пространстве, они есть, и их нет. В нашей стране человеческая жизнь вообще не имеет никакой ценности, а твоя профессиональная ценность лишь производное от этого. Да мы и сами свою жизнь не ценим. И за нее не слишком цепляемся.

ШТУРМАН

Вводящий штурман стоял рядом со мной.

Я сижу за командиром – оттуда я вообще ничего не вижу, взлетную полосу не вижу, никаких базаров не вижу, я вижу приборную доску, считайте, что с меня взятки гладки.

Слева у меня выступ – блистер, но мне нужно сильно перегнуться и выставить голову, чтобы впереди что-нибудь заметить. Я понял, что дело неладно, только когда Николай заорал «Помогай мне!», и почти сразу начало грохотать. Мелькнуло, что вот оно как, а говорили, что раньше смерти не умрешь.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

На ЯКе я вошел в командиры. Это было серьезным событием. Даже не знаю, с чем его сравнить.

В Калуге я развелся. Это тоже было серьезным событием. И с чем сравнить это событие, я, к сожалению, знаю.

После этого несколько лет я не летал.

Год вообще не работал. Был слесарем-сантехником год при учебном центре, далеко, в Приморье. Ждал очереди: без лапы чужих в Приморский отряд не брали. Если бы знать будущее, то так бы я слесарем-сантехником и остался.

Но, по условиям игры, люди не знают будущего.

Я решил плюнуть и вернуться в Калугу. Но потом в Питере, при заводе Климова, образовалось летное подразделение, и меня туда пригласили. В Левашово сделали площадку: оттяпали у военных гектар леса и очень предметно стали верить в перестройку. К счастью, недолго. Самолетов было пять штук, и все новенькие! Но с молодыми банкирами были некоторые сложности. Если не знать точно, что они банкиры, то можно было принять их за бандитов. Но самое

страшное, что банкиры были страшно подозрительны! Нужно было создавать авиакомпанию, без этого было невозможно работать, а они боялись, что у летчиков появится лишняя свобода. И я на время улетел работать в Панаму. Перегонял туда самолеты и учил летать на них панамских летчиков. Ан-24, Ан-26 и тридцать второй – все примерно одинаковые. Где-то они сейчас летают в Америке.

А отряд мой между тем развалился.

Все, что было можно, быстро разворовали. Самолеты, как 12 стульев, пошли с молотка. Но один из самолетов, а они были все в прекрасном состоянии, приобрели себе «Крылья Москвы». Обычная какая-то полугосударственная авиакомпания, ничего выдающегося о ней не скажешь. Но вместе с самолетом они купили меня.

ШТУРМАН

В эти несколько секунд я подумал, что мы падаем, и подумал, что сейчас будет взрыв. И больше ни о чем я подумать не успел: меня било о приборную доску, и я старался защитить свою голову. Потом я заметил, что бить меня перестало. И я понял, что мы не взорвались, мы живые. Но в кабине ничего не было видно, стояла сплошная пыль. Командир нечеловеческим голосом крикнул «аварийный люк!», и я, покачиваясь, встал на ноги и задрал руки вверх. Люк в моих ладонях неожиданно легко открылся.

МЕСЬЕ ПАПИ КАЗАДИ

В Киншасе парень и девушка не могут снять комнату и жить вместе, если они не женаты. Никто вам эту комнату не сдаст, да вам и самому это не придет в голову. Для Заира это просто абсурд! У нас в Заире очень строгие правила. Даже просто пройти с девушкой – для нас это очень серьезное действие.

МИСТЕР РОБИНСОН

Мне нравится жить в Туле: Тула похожа на Киншасу. В Туле нет расизма. Там есть скинхэды, но они не мешают жить. В Туле люди просто удивляются, что ты такой черный. Это не расизм, это просто удивление, немножко примитивное.

Но вообще для 21 века – это поразительно.

Привыкнуть к такой дикости трудно. В Москве и в Восточной Германии для африканца одинаково страшно жить: очень сильный нацизм. Но в Германии все-таки есть закон, а у вас нет закона.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Жизнь короткая. Где я сейчас? Ты свободен. Ты находишься в демократическом Конго! Не нужно озираться, ты среди друзей.

Я именно поэтому и озираюсь.

ШТУРМАН

Блистер был продырявлен, но мне показалось, что он забит какими-то сваями. и прыгать туда нельзя. А аварийный люк расположен почти надо мною. Я только его открыл, в тот же миг мимо пробежала и выскочила наружу чья-то тень. Призрак не призрак, как летучий голландец. Я даже не удивился. Теперь я думаю, что это был лодмастер.

Как выходил экипаж — я не видел. Я поднялся наверх, повис на локтях и увидел обломанные крылья и горящие двигатели. «Вызывайте пожарную машину!» — кричал я, но они меня не понимали. С таким же успехом я мог вызывать дежурного архангела. Казалось, что идут съемки фильма. Прыгать было невысоко, потому что переднее шасси было обломано, и самолет уткнулся носом в землю. Кто-то истошно стал спрашивать по-английски, не я ли пилот. Меня обступали какие-то люди, а потом я увидел, что появился Андрей Бучков, и он прошептал мне на самое ухо, что бортмеханик погиб. Николай говорит, что слышал, как я его зову. «Николай, Николай, выходи!» — звал его по имени. Но я этого не помню. Прошло довольно много минут, и тогда он стал вылезать из самолета сам. Он был в крови и совершенно серый.

«Вода, вода, заливайте водой!» — сказал я по-английски.

МИСТЕР РОБИНСОН

Москва для африканцев — это очень опасный город. Милиция от скинхэдов охраняет, только если у тебя есть сильное государство. Очень били американского чернокожего, но он был американским солдатом из посольства, и тогда стали искать всех, кто его бил, и всех посадили. А у африканцев нет таких сильных правительств, и скинхэдов, которые нас бьют, никто не ищет. Я очень

удивляюсь психологии вашей милиции. Я еду в метро, и взрослые показывают на меня пальцем и говорят: «Смотри, вот едет черный!» Меня это не оскорбляет, я только думаю, когда же все это кончится. В мире есть черные люди, это факт. Но почему-то мы перестаем чувствовать себя «черными» только в Англии. В остальных странах жить трудно.

5.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Крылья Москвы послали меня в Мозамбик – возить креветки в ЮАР. К бывшим расистам.

Это была хорошая работа. Но то ли кончились креветки, то ли они подорожали, и работа закончилась.

Или мне надоело. Я не люблю однообразные маршруты. Пропадает желание жить. Сейчас мне кажется, что вози и вози, дались мне эти креветки! От добра добра не ищут, а лучшее враг хорошего. Но понесло меня дальше. Может быть, меня просто повысили? Наверное, так и было. Я стал летать только вводящим.

После Мозамбика я вводил экипажи в рейсах на Стамбул: челночные рейсы, груз без сопровождающих, рутинная работа. На обратном пути иногда мы залетали к батьке Лукашенко!

В Белоруссии я всегда очень молодею, кажется, что двадцати лет как ни бывало. Вот-вот увидишь лозунги

«Слава КПСС» и большие портреты Брежнева. Я любил к ним залетать! Идет обычное для провинциальных аэропортов мелкое вымогательство, придумывают какие-то новые портовые сборы, понемногу подворовывает таможня. Прилетаешь домой в социализм! Но и свои мелкие радости в этом тоже есть: например, в Минске – прекрасные пельмени. Рекомендую! Везти их нужно в негерметичном отсеке у хвостового трапа, там даже летом минус тридцать, и до самого дома они не успевают разморозиться. Радость холостяка!

И вот так я пролетал и растранижил всю свою жизнь. Не было ни пассажиров, ни пассажирок. Изредка возил вахтовые смены, но тоже не в

модельной обуви: обычно в высоких резиновых сапогах или в унтах, но пора уже эту расхлябанную и кровавую историю причесать и сделать более внятной.

Для этого следует...

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

...прервать свою благополучную советскую историю и писать только об Африке, подряд. С любого места. Например, с того, что в августе 95-го года наша компания «Крылья Москвы»... начала осваивать небо Заира.

Первый раз я был там месяц. Спокойно выехал по контракту. Пригнал самолет с экипажем, слетал с ними несколько раз на точки, убедился, что командир справляется, и улетел.

Заир был абсолютно благополучным государством, ни про каких революционеров никто слыхом не слыхивал. Было спокойно, как в Ялте. Посредником у нас было авиационное предприятие Р.Д.ЗАИРА. «Российские друзья Заира»! Это еще те друзья! Все похоже на моих банкиров. Лучше мне об этом не распространяться. Есть люди бизнеса, белая кость, а есть простые работяги. И первые вторых всегда облапошат. А вторые первых – нет.

Генеральный директор даже не дал мне прочитать контракт, по которому я летел в Киншасу. Мне обещали показать его уже в пути, в Саудовской Аравии. Учитывал ли я, подписывая контракт, что при любом взлете меня могут сбить? Я так ничего и не подписал, я не видел контракта.

МИСТЕР РОБИНСОН

Ваш народ боится только сильных государств. Может быть, вы государство третьего мира? Я сейчас смотрю на белокожих и говорю себе: эти люди могут делать страшные вещи. Мой товарищ ехал в воскресенье из церкви и вышел из маршрутного такси возле

«Академической», и его поймали четыре скинхэда и выбили один зуб. Убежать он не мог, потому что был очень большой «трафик». А милиция в общежитие не поехала и сказала ему по телефону, что он все придумал. И тогда мы в нашем институте устроили революцию и сказали, что пусть они нас совсем вычисляют из института, но скинхэды не дают нам даже выйти на улицу и купить хлеб. Когда это показали по телевидению, то тогда милиция сказала, что

не знает эту проблему, но примет меры. Месье Папи тоже сильно избили, когда он выходил из метро Приморская, он потерял сознание, и его подобрала милиция. С ним был еще один африканец. Но тот смог убежать. Это правильно, что тот убежал! От зверей убегать не стыдно!

МЕСЬЕ ПАПИ КАЗАДИ

Если бы мой товарищ не убежал, то нас бы покалечили очень серьезно! А так они испугались, что мой друг приведет милицию, и я лежал на земле без сознания, и они предпочли скрыться.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Моя предыстория состоит из мелочей.

Вот я – инструктор и сижу на правом кресле. На левом кресле краснознаменный блатной стажер. Именно так первый раз я летал в Заире. Вы спросите, а второй раз мог бы я вообще туда не лететь? Или, уже попав в Заир, мог бы я отказаться? Мог бы.

Я мог бы не лететь, не подержав в руках договора. И не соглашаться взлетать, раз нужно незаконно пересекать границу. Я мог бы отказаться подниматься в воздух, пока мне не пришлют более опытного второго пилота. Я мог бы сидеть в гостинице, пока не произведут служебное расследование и не выяснят, почему предыдущий экипаж неправильно эксплуатировал самолет. Я мог бы отказаться взлетать, пока наше правительство не даст мне разрешение летать к повстанцам и из Анголы не отзовут военных специалистов! Я мог бы не соглашаться садиться на дикий аэродром в поле, где мы садились вообще по старинке, «на огонь костров»! Мог бы. Еще я мог бы не родиться, не кончать школу в Вологде, не служить в Балтфлоте. Я мог бы не лететь, пока не обеспечат надежный радарный контроль полета!

Но я полетел. Потому что получил приказ своего начальства. Вся человеческая история – это история выполнения приказов. И маршал Жуков получил приказ, и фельдмаршал Паулюс получил приказ, и дальше ты этот приказ выполняешь. И тех, кто приказы отдает, их обычно не судят! Пойдите завтра на работу и попробуйте от чего-нибудь отказаться! А ведь над вами не висит толстый черный миллионер с золотым зубом, который за свои деньги хочет немедленной работы. И вообще есть разница, находитесь вы в Заире или в Филях!

И ты летишь! Один борт вылетает для правительства Анголы – второй для Униты. А кто из нас прав, рассудит время.

Мы работали на повстанцев. 1000 метров, чтобы сесть, лучше, чтобы не было больших кочек. Требования у нас не очень высокие.

Разгрузились в Уните и «фьють» – в течение сорока минут улетаем. Потому что должен прийти следующий борт и мы не должны занимать единственную узкую площадку. Ведь мы не «интуристы», нас наняли для грузовых перевозок. И возим мы только продукты питания. Да и вся продукция чужая, не московская и не тамбовская. Во всяком случае, так значилось по договору, который мне так и не показали.

МИСТЕР РОБИНСОН

Унита – это особенный режим. Там, в Анголе, существуют два президента. Один из них ближе к Мобуту – это Совимпи. Когда говорят, что человек едет в Анголу, то мы сначала пытаемся узнать, куда он едет. И если он едет в Униту, то это всегда звучит подозрительно. Разница между ангольцами и заирцами небольшая, и в Киншассе живет много людей из Анголы.

МЕСЬЕ ПАПИ КАЗАДИ

Очень тяжелое предчувствие началось за двое суток до аварии. Я не спал, но мне снился кошмар. Потом меня упрекали за то, что я ничего никому не сказал, но я не знал, что происходит и откуда ждать беды. Я часто спрашиваю себя, почему именно у меня были такие страшные чувства. У меня нет дара ясновидения, и я не желаю его иметь! Можно объяснить только тем, что я каждый день шел в университет по этой дороге! Проходил базар, шел вдоль взлетной дорожки, пересекал ее и всегда смотрел на самолеты.

ШТУРМАН

«Живых в самолете больше нет!» – сказал я полицейским по-английски. Люди вокруг нас были в ужасе, но я чувствовал, что нарастает агрессия. Пострадавших я не видел. Я не видел убитых, я не видел раненых, не было крови. Но и криков или воя я тоже не слышал. И тишины не было. Мне показалось, что нарастает какой-то гул. Самолет горел, и никто не мешал ему гореть, его никто не тушил – пожарных не было. Моторы горели довольно прилично, но взрыва не было. Я вспомнил, что на АНах сделаны

противопожарные перегородки в крыльях. Рядом с нами, кажется, стояли какие-то строения, но я даже не уверен, что они были каменными.

Потом нас повели вдоль рынка к шоссе, но я не видел никого из этих несчастных жертв. Там было Куликово поле: 300 погибших и столько же раненых, но я их не видел. Сейчас я не могу этого объяснить. Я не отворачивался, и нас вели к машине вдоль рынка, но пострадавших я не видел. Сознания не терял. Руки были повреждены. Но голова была в совершенном порядке, хоть меня шибануло несколько раз головой о приборную доску.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Отрыв. На этом этапе полета никто никогда вниз не смотрит. Это практически невозможно! Сядьте на кухне на стул, потяните на себя штурвал, и вы поймете, что у вас перед глазами.

МИСТЕР РОБИНСОН

Заборчик был только сбоку, там, где само здание аэропорта. А не в конце посадочной полосы. Зачем вообще повторять про этот заборчик? Там было три бетонных здания, и двор, открытый в сторону аэродрома. Вот туда ваш самолет и въехал.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

К Новому году введенный мною экипаж стал проситься в Москву. Наши «Крылья Москвы» были близки к закату, но у меня был обратный билет, он был еще годен. И мне хотелось самому спокойно полетать. Я устал от вводов. Билет на Air France... через Paris... четыре часа ночью... аэропорт Де Голля... сказка! По Парижу я не гулял и боюсь, что теперь погуляю не скоро. Экипаж, который сидел в Москве, не мог вылететь, потому что у них не было билетов. Но тот, кто нас нанимал, толстый заирский буржуй, послал им деньги на билеты. (Вот, что меня удивляет в Африке: чем богаче люди, которых я встречал, тем они были толще! Фантастика! Но для того, чтобы ориентироваться в людях, это очень удобно. Вот бы и нам до этого дойти! Сам я довольно худой, а пока сидел, вообще стал кожа и кости.)

И через считанные часы билеты были у моих людей на руках. Это существенное место, потому что потом нас обвинят в том, что мы прилетели по собственной инициативе и нас никто не приглашал и никуда не посылал.

Резервный экипаж прилетел в ночь на шестое, а самолет был готов восьмого.

Кроме билетов, капиталист заплатил еще за профилактический ремонт самолета. Ремонт был более чем нужен вот почему: 6-го улетел старый экипаж, и у них был налет 70 часов, санитарная норма. Больше они без профилактики летать не имели права. Но по документам было одно, а не по документам ребята полетали основательно и заработали тоже хорошо. У фирмы, которая нас арендовала, были мы и такой же Ан-32, украинский. И кто сколько летает, кто сколько зарабатывает, этого, к несчастью, не скроешь. По нашим меркам, зарплата была приличной. Из такого расчета: командир на всем готовом 1300, второй – 1100, штурман, бортмеханик на всем готовом – по тысяче, еда, жилье, женщины не входят.

Набегало при семидесяти часах тысячи три, а за незаконное пересечение границы платили еще отдельно.

Строго говоря, в таких командировках летчики довольно независимы, вплоть до того, что самолет можно продать и исчезнуть.

Такое тоже бывало!

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Контракт мне отказались показать именно в Москве. Но части, касающейся экипажа, я вообще так никогда и не увидел. Сам виноват – надо было «видеть» или без контракта в своих руках никуда не лететь. Юридически я чувствую себя до сих пор совершенным остопом. И никто в экипаже помочь мне не мог.

Второй пилот Бучков вообще никогда не летал, только кончил училище за два года до этого и два года просидел на земле. Его патронирование было недостаточно мощным. Это беда Москвы: там слишком длинная очередь тех, кого пасут. Но крыши-то у всех разные! И его крыша ждала своей очереди. В Москве был себе такой скромный паренек, не видно и не слышно.

Второй пилот вызывал у меня серьезную тревогу. Хотя я старался никому не показывать вида. Мальчикам нечего делать за границей, пока они не полетают лет десять.

Бучков счел, что на погрузку можно не ехать! Просто как безответственный мальчишка. Он должен был следить за загрузкой с утра. И, конечно, не мог не знать, что это его обязанность. И даже дело не в том, что это было моим попустительством. По инструкции хоть и считается, что за погрузкой следит второй пилот, но там, в Заире, у всех экипажей было заведено, что за дополнительную зарплату мешки считают техники. Они же и контролируют загрузку. Это люди авиационные, они прекрасно знают, что перегруз недопустим! И, разумеется, они знают, что от них требуется, чтобы не допустить лишней загрузки. Учтите, что при максимальной загрузке можно взлетать только в последние метры! Утром пришла машина, и я с техниками на ходу договорился о том, что они обязательно считают мешки. И когда я через час приехал, один из техников уверенно подошел ко мне и сказал, что на борту 7 тонн. Про эти «7 тонн» я уже больше не могу слышать, меня тошнит от одного звука этих слов.

Техники пришли один раз в тюрьму, оба насмерть перепуганные. Потом посольство ухитрилось переправить их подальше, сначала в Анголу, а потом домой.

МЕСЬЕ ПАПИ КАЗАДИ

Утром я был на молитве. Мы – протестанты. В Киншасе половина католиков, а половина – протестанты. Я вернулся домой, но напряжение было таким сильным, что я решил вернуться в церковь и продолжать молиться. Я никогда не делал этого ни раньше, ни после аварии. По дороге я встретил одного своего родственника и сказал: «...со мной происходит что-то странное, может быть, ты сможешь проводить меня в церковь?». Пастор удивился, увидев меня во второй раз. Внимательно посмотрел на меня. Я попросил его снова отворить мне главные двери.

ШТУРМАН

Я два раза взлетал с украинцами. Но, понимаете, почему я не обратил внимания на этот дикий базар: в момент взлета штурман вниз не смотрит. Когда часто взлетаешь по одному маршруту, то еще можно позволить себе отвлечься,

но в первые полеты – сложнейшая связь, и страна там франкоязычная, не сразу все понимаешь. В результате напряжение слишком большое. И доверяешься только силам аэропорта. Но вот вы, например, посылаете детей в детский садик. Подразумевается, что детей там не бьют, не приучают курить гашиш, и за это отвечает государство. Даже не приходит в голову проверять.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Приехал я, наконец, на борт. Приехать-то я приехал, но проверить я ничего не смог.

Коробки с грузом я, естественно, не вскрывал. И по виду коробки вес не определяется.

Меньше семи тонн там быть не могло по контракту, и уж в этом послаблений не бывало.

Все было пришвартовано. Даже сосчитать количество мешков я не мог. Бортмеханик приехал в аэропорт вместе со мной, это – явное упущение. А вовремя он не уехал, потому что все утро вносил в документы налет московского экипажа. Как же я не заставил их самих все оформить и дал им удрать! Тоже мое упущение. А вообще летаешь черт знает с кем! Только где-то можно встать, извиниться и уйти, но с океанского лайнера или из экспедиции в Заир не встать и не уйти.

Очень глубокая мысль, но очень жизненная.

МИСТЕР РОБИНСОН

Если вы хотите продать свои старые вещи, то тоже зарегистрируйтесь и вставляйте в ряд. И они все любили смотреть, как взлетает самолет. Кричали: аaaaa! смотрите, как он закрывает свои колеса, прячет в свой панцирь. Но те, которые были умнее, понимали, как опасно расположен этот рынок, и говорили, что нужно закрыть или аэропорт, или рынок. Но вместе им тут не жить. А они не могли расстаться друг с другом. И сейчас, наконец, закрыт и этот рынок, и этот аэропорт. Но там всегда были люди со всей Киншасы. Конечно, было много людей, которые просто ходили со своими вещами и продавали с рук, но там могло быть по пути много сотен человек и винты самолета вращались во всю мощь.

ШТУРМАН

Если это для меня, то спасибо! Для меня московского штурмана можно было не оставлять. Там и так хватало штурманов, которые могли со мной слетать. Были и мои друзья, и просто знакомые штурмана, у нас своя тусовка, и я никого оставаться не просил. Если капитан себя страховал и просил об этом прежний экипаж, то мне он об этом не докладывал. Полеты там объективно тяжелые. Я два раза был на провозке. Стоял, смотрел. Там и сложные особенности связи, и рельеф ужасный, не за что зацепиться. От момента разрешения на запуск и до посадки в Анголе тебя ведет диспетчер, но это только связь, на экране он тебя не видит.

Диспетчер закрывает глаза на то, что все экипажи пересекают границу, — это согласовано с правительством. Тайны заирского двора! А моя задача была узнать в поле узкую серую полосу — вот что было самым сложным. И в последний момент было решено, что меня «введет» украинский штурман. Командиры договорились об этом между собой за несколько минут до полета.

МЕСЬЕ ПАПИ КАЗАДИ

Пастор открыл церковь. И мы молились весь вечер, а потом я решил больше никуда не идти. Домой я ни за что на свете возвращаться не хотел. Это был не страх, что-то другое. Я не могу объяснить словами. Пастор разрешил мне заснуть в комнате при церкви. Там я находился до утра. Проснулся я очень поздно, в доме раздавались крики, и все страшное уже произошло. Жена пастора погибла сразу, ей отсекло голову винтами.

6.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ СУД и ТЮРЬМА

Суд республики. Был суд Киншасы и коурт апель. Арестовали нас сразу. Человек, который раньше был мною, выпрыгнул из самолета и, хромя, доковылял до полицейских. Ноги у него были покалечены, но все-таки он мог идти, значит, кости были целы. Пока самолет скакал по палаткам, его колотило по левой панели. Арестованных повезли в ближайшую больницу, но от уколов летчики категорически отказались. Вообще создавалось впечатление, что они не

могли прийти в себя и к каждому, кто с ними заговаривал, они относились с подозрением и со страхом. На ночь трех летчиков заперли в полицейском подвале, они спали, сидя на загаженной циновке на полу, прислонясь к бетонной стене. Ночью в участок звонил прокурор республики и разговаривал с дежурными офицерами. «Придется их отпустить!» – важно сказал он. Утром арестованных на открытом полицейском джипе отвезли к прокурору. У прокурора уже ждал переводчик из посольства. Прокурор спросил его и летчиков, на каком языке им легче говорить. Он перемигнулся с прокурором и сказал, что им легче говорить по-русски. «Русские не очень способны к языкам!» – сказал он. «Я не говорю по-русски!» – надменно сказал прокурор. Утром же прибыло два молодых представителя посольства. Они были по-комсомольски уверены в себе и энергичны. Вот они как раз хорошо говорили на многих языках и могли достойно представлять свою родину. В приемной прокурора они подошли к пилотам и по-отечески их поприветствовали. Первый пилот объяснил посольским, что ему тяжело понимать переводчика, но на английском он говорит плохо.

«Английский у меня – спецпрограмма для пилотов, летающих за границу, специфический язык, моя твоя понимай», – сказал он. – Take off clearance, ready to roll, поехали, и в этом роде». «Не беда!» – подбодрили летчиков дипломаты.

Переводчик, на допросах и в суде, был негр при посольстве, но он не переводил и половины. Не потому что он негр. Там все негры. Такая африканская специфика. Просто он не понимал части слов на французском и большей части сложных слов на русском и переводил «очень примерно». Но он был совершенно искренним парнем и старался от нас ничего не скрывать. А если скрывал, то делал это невероятно неумело.

МИСТЕР РОБИНСОН

Английский язык в наших школах не учат. «Дополнительный» язык у нас тоже французский. Очень образованные люди говорят и на английском, но таких совсем мало. Я читал, что культура страны определяется языком, на котором в ней думают. Мышление людей начинает соответствовать языку. У нас французское мышление.

МЕСЬЕ ПАПИ КАЗАДИ

По вечерам люди стоят у нас около домов и разговаривают, это им заменяет свежие газеты. Я подумал, что будет смешно всем объяснять, что у меня было такое предчувствие. Люди сразу будут думать, что я знал и не сказал или что я скрывал какие-то факты, поэтому я просто ходил по улицам от группы к группе и слушал, что люди говорят. Большинство считало, что Мобуту устроил крушение специально, чтобы подольше остаться у власти!

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Переводчик объяснил посольским, что прокурор просил по полторы тысячи залога за каждого и консул их может увезти. Представители посольства переглянулись и уехали и в этот день больше не приезжали.

Переводчик был вечером, принес от них два батона и кока-колу и сказал, что это пока все, что денег у посольства пока нет и президент говорит, что летчиков отпускать нельзя. «Может быть, вы сами найдете 1,5 тысячи, и я смогу передать прокурору. А он вас за это отпустит», – искренне предложил переводчик. «Нет денег! – ответил второй пилот Бучков. – Нон иль се па аржан, но моней». Он удивительно легко пользовался в разговоре языками, которых абсолютно не знал. «Всего полторы тысячи», – терпеливо сказал переводчик. У меня раскалывалась голова, и я ждал, когда закончится эта пытка. Все было ясно без слов, денег нет и не будет. У меня самого в родной коммуналке, в коробке из под обуви, было спрятано три тысячи долларов. Но как же их оттуда выцарапать?! «Может быть, ваша фирма может заплатить? – осторожно спросил африканец. – Тогда он вас выпустит под подписку о невыезде...» С этого момента я пришел в себя, и все случившееся перестало казаться мне сном.

ШТУРМАН

Пострадавших на базаре я не видел. Только у прокурора по телевизору. Прокурор поднимал к небу глаза и гримасничал. Это был еще тот артист!

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Прокурор хотел денег, но их было неоткуда взять. Я понимаю, что даже самому темному африканцу нельзя объяснить, почему государство не может заплатить тысячу долларов за летчика, который управляет самолетом стоимостью в миллион. Но самому мне это понятно, это система ценностей, на которой я воспитан, и другого я и не жду. Посольство играло в свою игру. Я не думаю, что они могли принимать решения сами, но значит, кто-то играл свою

игру, а «кто-то должен был нести ответственность». Так они изложили свою позицию прокурору республики, который хорошо их понял и остался позицией посольства доволен. Тем более, что диктатор Мобуту, после нескольких дней колебания, тоже все-таки решил, что летчиков нужно примерно наказать! И с какого-то момента прокурор вдруг резко надулся и перестал торговаться из-за долларов. Прокурор напоминал большой гладкий трехстворчатый шкаф, он с трудом умещался в кресле. У него были необъятные форменные штаны, которые он все время поправлял.

Вдруг его подменили! Это произошло, кажется, на седьмом заседании суда. Может быть, он и вправду понял, что нам негде взять денег.

Когда нас привозили на первые допросы из полицейского подвала, он был достаточно прост и мил, но потом все изменилось. Прокурор не был злодеем, он был умным деловым человеком и хорошо понимал, чего от него хотят. Когда я пришел в себя, я вспомнил, что уже видел двух посольских, которые приезжали в первый день.

Человек постарше был осенью вице-консулом. Потом стал первым секретарем посольства, но я видел его до этого только мельком. А второй молодой парень – свежее испеченный консул. Оба они были похожи на моего второго пилота как двоюродные братья. Откуда они все, интересно, берутся! Первый секретарь сказал «и в концлагерях тоже рожают», а новый консул сказал, что «должен же кто-то сидеть в тюрьме», – эти две зловещие фразы, которыми они хотели нас подбодрить, предопределили и весь ход процесса, и нашу судьбу. Видимо, посольство было завязано со всеми компаниями, которые работали в Заире, и портить отношений с заирцами не было смысла. За два года до этого американцы выбросили десант в Анголе и освободили двух своих летчиков, которых удерживало государство. Думаю, что никто летчикам не объяснял, что и в тюрьмах Анголы можно рожать! Но комсомольцам такое не втолкуешь!

Потом вдруг отыскались два молодых заирца, которые нас защищали. Это был удачный выбор. Я никогда не видел таких бестолковых адвокатов. Они сами прибежали в посольство, предлагая свои услуги, деньги им перечисляли «Крылья Москвы», которые к тому времени уже почти перестали существовать. Заплачено адвокатам было 8 тысяч долларов. Сумму эту называли и адвокаты и переводчик. Адвокаты застенчиво признались нам, что им было велено

выгораживать фирмы, а не экипаж, но они обещают нам помочь! Они ничего не понимали ни в сути процесса, ни, разумеется, в авиации, и им толком было ничего не объяснить.

ШТУРМАН

Меня вытащили именно адвокаты. Во всяком случае, это совпадало по времени. Сколько им заплатили, я не знаю. При мне, пока я сидел, об этом разговоров не было. Сколько заплатили за меня – вот это мне известно хорошо. Теперь я даже могу говорить, что прекрасно знаю себе цену. В первый момент мне тоже показалось, что наши консулы слишком уж гладкие и неискренние, но потом я понял, что другими дипломаты быть не могут! Да и против нас лично ничего плохого дипломаты не имели!

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Украинский экипаж приезжал встревоженный и напуганный. Командир его сказал мне: «...когда ты побежал, я сказал вслух: что-то он медленно разбегается... Потом видим, что ты не оторвался. И слышу отдаленный грохот. Потом все побежали».

«Доказывай, что самолет выкатился на свою территорию!» – сказал он перед уходом.

Я уже знал, что он собирал для нас деньги и передавал их консулу. Но я думал не о деньгах, я пытался представить себя на его месте. Он стоял и смотрел, как я разбегаюсь.

Он как-то странно произнес: «Ты не оторвался».

Первый суд состоялся через три месяца после катастрофы.

МИСТЕР РОБИНСОН

По телевизору не объяснили никаких причин, и сразу стало понятно, что правительство что-то скрывает. Слишком немного было в газетах, в основном мы питались слухами. Но когда в стране диктатура, то даже в оппозиционных газетах многого не скажешь. Слухи в Заире – это очень надежный источник! О том, что идет судебный процесс, тоже официально ничего известно не было. Потом неожиданно было объявлено, что виноваты были русские летчики и за

это пилотов справедливо посадили. Ни по какому заирскому каналу процесс не транслировали.

МЕСЬЕ ПАПИ КАЗАДИ

Время от времени в новостях нам рассказывали о пострадавших, и в конце этих передач президент Мобуту всегда говорил, что он очень сожалеет о произошедшем, но он уже принял определенные меры. У Мобуту был очень специфический голос, с другими голосами его спутать нельзя!

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Каждая сессия суда – это отдельная история. Пожалуй, я не буду ее рассказывать, чтобы не морочить себе и другим голову. Я поднялся на «общак» еще до суда.

Пока мы сидели, худшим было не само заключение, а то, что у меня не складывались отношения со вторым пилотом Бучковым, который стал меня сильно раздражать.

Из-за него несколько раз начинались драки, я пытался его защитить, а он смеялся и издевательски говорил мне, что меня никто не просил вмешиваться. Какое-то все-таки странное чувство, когда ты попадаешь со своим подчиненным в непроизводственную обстановку и он становится вроде бы тебе равным. Но как только он открывал рот, мне каждый раз хотелось его задушить. Если отдать эти строки на судебно-медицинскую экспертизу, меня обвинять в излишней жестокости. Лучше их на экспертизу не отдавать. Остальные заключенные, с которыми я сидел, были в основном приятными людьми. Не хуже тех, кто на воле! Кое у кого были свои цветные телевизоры, а у двоих мобильные телефоны. Я мог бы даже кому угодно позвонить, они разрешали, но было не придумать кому. Иногда моим соседям привозили хорошую еду, и они со мной делились, а иногда их возили к женщинам, но это уже без меня. Потому что администрация тюрьмы понимала, что наказания наказаниями, а без женщин тоже нельзя. Но по-настоящему мне не хотелось ни того, ни другого.

Ковырял что-то лениво вилкой, а когда второй пилот сваливался с приступами малярии, я вообще почти ничего не ел, сидел в своей камере и тупо смотрел в стену. Потом он возвращался и своим противным голосом подростка опять возвращал меня к жизни. Мне приходилось начинать думать, как его избежать или как поделить с ним свежий хлеб, который привозил консул.

ШТУРМАН

В одной тюрьме там все виды режимов, почему-то мне это напоминало выставку собак!

Были бельгийцы, французы, руандийцы, все разных цветов и оттенков. Наши камеры не запирали. Можно было выйти в администрацию и поговорить там с ихним попом! И в той же комнате, под присмотром офицера, мы встречались с консулом.

Консул – подневольный человек, напрасно Николай на него в обиде!

У меня к нему претензий нет и быть не могло! У него прав ничуть не больше, чем у нас! Все мы понимали, что дело нечисто, и не обязательно было ставить точки над «и».

Какие-то вещи консул от нас скрывал и, вероятно, правильно делал. Меньше знаешь, крепче спишь. Я знаю, что консул благородно скрыл от нас предложение посла урезать нам питание. Оказалось, что посол просто не знал, что деньги на еду нам передавали летающие экипажи, он думал, что деньги казенные. Деньги передавали, не только российские, а все наши, советские.

МИСТЕР РОБИНСОН

Тюрьма находится в районе Макала. И так называется сама тюрьма.

«Централь де Макала». Бежать оттуда трудно. Есть в Заире тюрьмы, откуда легко убежать, но только не из этой! Сидят там всякие люди, и страшные, и не очень страшные. Но вообще, надо сказать, что в Заире закон действует. И если ты попадаешь в суд, то тебя именно судят, если ты, конечно, не очень богатый человек. Богатых нигде не судят, даже в Америке. Богатый человек может купить все.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Пойло, которое там готовили, было из кукурузной муки плохого сорта. Полукаша-полухлеб серого цвета. Это традиционная заирская еда. Называется фуфу. Хорошо, что вы не заирец!

Приходили раз в месяц благотворительные организации, какие-то белые бабки в париках. Приносили по баночке рыбных консервов.

Холодильник был один, там же, где была лавочка, Из холодильника не крали, но за то, что не крадут, приходилось платить. Это тюрьма без окон, португальской постройки. В каждой камере дыра на уровне колена! Посреди дыры – железный прут. Но в нее и без прута втиснуться невозможно. Если лечь на пол, то можно увидеть стену следующего барака. Наш барак предназначался для VIP, для министров и казнокрадов. Министр энергетики при мне вошел и при мне вышел. Один раз за обедом, глядя на него, я сказал, что я не хочу быть министром. Но он мне не поверил. Он сказал, что мужчина не может не хотеть стать министром!

ШТУРМАН

Еду привозил консул. Я же говорю, что он был нормальным парнем. Не чванился, таскался для нас на базар и приносил овощи, иногда кусок курятины. Много нас ободрял и шутил. Приходит и с порога говорит: «А как же с надеждой в мрачном подземелье?

Молчат ангелы???» Но я физически после аварии чувствовал себя неважно. Голова все время трещала, хотелось пить и есть. В тюрьме все готовят сами! Даже бывший министр готовил себе сам. Он занимал пост вроде Чубайса, но его племянник был замешан в каком-то заговоре, и министра тоже посадили. Возле тюрьмы дежурил его автомобиль с радиотелефоном. И когда Бучков заболел малярией, министр стал гонять своего шофера за лекарствами. Хороший человек, с ним приятно было сидеть, я бы и сейчас с ним с удовольствием вместе пообедал!

МИСТЕР РОБИНСОН

«Фу-фу» – это никакой не ужас! Это просто манная каша. Но иногда, для бедных, ее варят наполовину из кукурузной муки. Это вкусно для нас, но вы съесть это не сможете или не больше, чем один раз. Я был в России в студенческом лагере, и я почти умер: суп и каша. Это можно есть только в тюрьме! А «фу-фу бади» – это как мягкость черного хлеба. Когда я был маленьким, мама готовила ее каждый день.

МЕСЬЕ ПАПИ КАЗАДИ

Все зависит от денег. Если у вас есть деньги, то в Заире бесконечное разнообразие еды. Но суп мы не едим. Мы считаем, что это нехорошее дело – есть суп. Но мы любим соусы. И обязательно едим «фумбу» – это такие

тушеные овощи, которые растут только в Африке. В России мне очень нравится салат оливье и сметана. У нас не умеют делать такую сметану.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Было девятнадцать заседаний суда, на которые нас отвозили. Каждый раз это происходило в какой-то спешке. Дубинок в тюрьме я не видел, но нас подгоняли прикладами. И пару раз я получил прикладом довольно основательно. Неприятно, когда тебя бьют. Поэтому когда я говорю, что предпочитал бы сидеть в России, наверное, я преувеличиваю. В зале каждый раз было по 500 человек, и мы были уверены, что процесс транслировался по тиви, но сами мы этих передач не видели. Когда камеры направлялись на прокурора, он начинал неистовствовать. Один из адвокатов потерпевших сторон предложил публично нас высечь. Но прокурор сказал, что этого мало, что сначала высечь, а потом еще посадить на сто лет. Мы никак не могли выяснить, существует ли у них смертная казнь. Конечно, интересно было узнать.

МИСТЕР РОБИНСОН

Прошло несколько месяцев, и пришла весна. По заирскому телевидению никогда, ни единого раза процесс не транслировался. И в газетах тоже практически ничего не было. Изредка короткие заметки о нем писала газета оппозиции «Умоджя», но очень осторожно, и газета старалась прямо не обвинять никого. Но у мужа моей третьей сестры был один родственник в адвокатской конторе, и он рассказывал, что процесс еще продолжается.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Процесс контролировался самим президентом.

Переводчик переводил из рук вон плохо!

Прокурора интересовало, когда же будут деньги, и он, понятно, был недоволен. Но пока его тон не изменился, все-таки конец процесса был виден и нас вполне могли отпустить. И вдруг послышались новые нотки! Сначала стала обсуждаться фраза, а почему же летчики не отвернули от базара А на одном заседании прокурор изрек: «Вы не могли не знать, что перед вами базар!» «Что ему ответить?» – прошептал адвокат. Я ему говорю, переведи, что прокурор тоже не мог не знать, что на посадочной полосе находится базар, если, конечно, он родился в этой Киншасе!

Но адвокат не стал переводить, посоветовал суд не дразнить.

ШТУРМАН

Пока мы сидели втроем, мы держались вместе. Но потом адвокаты сказали, что меня и второго пилота они вытащат из тюрьмы очень легко. Но они ошибались. И мне нельзя было оставлять пилотов вдвоем. Я терпел все молодежные выходки второго пилота, другого выхода не было! Но Николай был уже на пределе, я заметил, что он вообще недолгобливает молодежь.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Напрасно консул покупал продукты в дорогих супермаркетах. Может быть, он просто боялся африканских кишечных инфекций. Или была инструкция заходить только в бельгийские магазины. Все было чистенько, в целлофане, но скудновато. Пару раз в неделю я варил себе овощной суп. Тюремное пойло есть было невозможно.

После того как я перестал общаться со вторым пилотом Бучковым, я сутками не разговаривал по-русски. Иногда министр приглашал меня к своему столу, и по-английски я теперь говорю, как черный негр из Заира. С каким-то неистребимым варварским акцентом.

ШТУРМАН

Помните, в «Искателях приключений» герои едут по пыльной дороге? Ну, вот что-то такое – это и Конго, и Ангола. Из кустов стреляют, земля сухая, это только чтобы вам легче было ориентироваться.

Но вы, конечно, думаете, что можно посмотреть в окно камеры и увидеть африканскую деревню, курочек- пеструшек?

А не увидеть ни х... кроме серой стены и парочки черных стражников, которые все время пытались заглянуть в камеру белых.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Черные – это люди как люди. Только очень любопытные, просто как дети. И очень необязательные. Их слово не значит совершенно ничего, они его даже не помнят. С момента, когда начался второй процесс и нам решили продлить срок, я тоже все помнил очень плохо.

В тюрьме мне снилось, что я раздавил невольничий рынок. Хотя таких, как в Чечне, рынков в Заире давно нет, и рабами тут не торгуют. Нас, во всяком случае, никто не купил.

В тюрьме слишком много свободного времени думать, и мысли обычно приходят в голову странные.

ШТУРМАН

Мы должны были видеть, что полоса в обрез и дальше идут строения. Чего там строить из себя девочек? Это равносильно признанию, что мы не профессионалы!

А это значит: видели и отгоняли от себя эти сведения. Что из того, что еще 20 экипажей взлетает с этого аэропорта? Не пойман – не вор! Двадцать человек кидает в окно окурки, и от одного окурка случайно сгорает открытая машина. Так кто виноват? Виноват дурак, который попал в машину.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Где ты сейчас, куда тебя понесло?

Я на невольничьем рынке. Мне снилось, как я всем доказываю свою правоту! Дескать, я не болтающийся по свету наемник, меня послало малое государственное предприятие! Послало в командировку! А потом послало еще дальше. Документов никаких тоже не было: все украли наши проверяльщики из Москвы. Все концы уходили в воду: не осталось даже центральных газет, в которых о нас было написано. Правда, одна газета сохранится в Хабаровске у мамы. Лучше бы я сам там оставался, вместо газеты.

ШТУРМАН

Получается, что мы, как каскадеры, шли на предусмотренный риск. Только каскадер идет на риск за большие деньги и подстилает себе соломку. Чтобы не разбиться. А мы на риск шли, а соломку не подстелили. Идешь на риск

– значит нужно следить за каждым граммом веса. Как-то были убаюканы тем, что все летают. Летать-то летают, а отвечает все равно каждый за себя. Поэтому я считаю, что виноват только я один: я наверняка мог помочь своему командиру! Мог мгновенно прозреть и все предусмотреть, но не прозрел! Николаю я совершенно ничем не помог.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Опять приходил консул. Я чувствую, что кончаются чернила, как у героя Даниеля Дефо. Дождь омерзителен и постоянен. Вы ели когда-нибудь морошку? Какая она? Ее просил умирающий Пушкин у д-ра Даля. Все время жутко хочется домой. Где я сейчас? Ты сейчас в жопе. Ты подданный страны, которая не защищает своих граждан. Ты в тюрьме и ты бредишь. Ты случаем не пьян? Нет.

Алкоголь в тюрьме пили один раз. Восьмого января, когда исполнился год со дня смерти моего бортмеханика и еще половины Киншасы. Помянули их всех какой-то мерзкой местной водкой. Это был единственный случай, когда я пил в тюрьме.

ШТУРМАН

И президент Заира своими приезжими каскадерами, естественно, был недоволен. Кого интересует, что цирк оказался не тех размеров?? Сертификат-то аэропорт наверняка нужный получил. Может быть, за большую взятку. А те, кто давал сертификат, давно уже померли или вообще живут в Бельгии на пенсии. Как же их посадишь? Помните в

«Джентльменах удачи» Косой говорит:

«Кто же его посадит?! Он же памятник!» Мысль ясная как день: сажать можно было только нас.

МИСТЕР РОБИНСОН

Я не пытаюсь представить всех заирцев ангелами. Есть такие люди и такие. Многие заирцы приезжают в Россию и становятся по своему поведению русскими. Дома они представляются очень хорошими мальчиками, но их родители никогда не поверят, как они тут распоряжаются своей свободой. Ведь у нас юноши и девушки не могут жить в одном общежитии или даже заходить друг к другу в гости. Есть большая комната для встреч, там можно посидеть и поговорить. А когда на твоём этаже двадцать комнат, в которых живут девушки, и многие девушки сами хотят с тобой познакомиться, то это большое испытание для заирца. И не все его выдерживают.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Нам дали максимум по статье «неосторожное убийство». Прокурор произнес напыщенную речь и сказал: «...по этой статье предусмотрены два года, а я бы дал им тысячу лет!» Вне зала суда он был вполне приветлив и доброжелателен, всегда спрашивал, как я себя чувствую.

Адвокаты говорили, что все это игра. Если бы нас не обвинили, то Заиру пришлось бы платить миллион за самолет и компенсации своим погибшим. А так прокурор получил в подарок «форд-скорпио» и остался всем очень доволен.

Мы не подавали апелляцию, а за это нас обещали отпустить досрочно. Французское судопроизводство, теперь мы с тобой знакомы!

ШТУРМАН

Чего там хвататься за алиби? Это детская психология! Виноваты были сразу три стороны – базар, аэропорт и мы. Но бессмысленно думать про чью-то вину! «Каждый отвечает за себя!» – это завещал еще Сталин. Мне трудно об этом говорить, потому что я пострадал меньше других. Но если бы я отсидел целый срок, то я бы сидел и удивлялся, что меня не расстреляли или не вклеили червонец.

МИСТЕР РОБИНСОН

Летчиков никто особенно не винит. И все равно людям легче, оттого что летчики сидят в тюрьме. Даже все-таки удивительно, что их осудили на непродолжительное заключение. Наши люди считали, что им дали маленький срок, потому что за них просило ваше правительство. Вы только подумайте: за неосторожное убийство им дали всего по два года, но убито-то целых 300 человек! Почти четверть города. За жизнь каждого человека они просидели по два дня! Это слишком гуманно. Заирцам дают больше, даже если они по ошибке убьют свою собственную жену или сожгут машиной прохожего!

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Прокурор был недоволен вынесением приговора. Его недовольство касалось не только нас!

На этот раз он решил поменять срок нам и еще приняться за службы аэродрома! Начался второй процесс. И на этот раз нам повезло с судьей. Перед нами был совершенно объективный пожилой заирец. Сидел, слушал, свирепо на всех смотрел и раздувал ноздри!

С первого же дня судья стал активно затыкать рот прокурору. Начало казаться, что нас отпустят. И вот перед вынесением приговора второго судью неожиданно сменили.

Я был страшно подавлен. А тем временем начался уже жаркий апрель 97-го года. Во всю шла война, на Киншассу надвигался «рибель Кабилла». Мы знали, что мятеж охватил всю страну и скоро сожмет столицу. Правительственные войска дружно сдавались. По вечерам я смотрел с соседями чудовищную смесь африканских новостей, они очень по-детски на все реагировали. После каждой передачи мы отмечали на карте города, до которых докатился мятеж. Мятежники шли с востока, но страна еще вполне могла разделиться и стать второй Анголой. Будет куда летать. Я учил в тюрьме английский и на втором году заключения стал заниматься еще и французским. Консул привозил еду и своей рукой делил наши продукты пополам. У Бучкова была активная малярня.

К нему приходили, приезжали, не родители, но явно какие-то родственники. Можно было только позавидовать!

Я был изгоем. Отчасти из-за разрыва с ним. Но это был мой психоз, я абсолютно его не выносил. Вот если так не выносишь жену или мужа, то непонятно, как можно просидеть на общей кухне «до конца срока». Иногда мне кажется, что не прав был я, а не он. Я был слишком категоричен, а он был обычным наглым переростком. Среднестатистический блатной мальчик, который после училища не летит в Якутию и сидит два года в управлении, должен быть малосимпатичным. Этот мальчик не был исключением. Я забыл сказать, что штурмана отпустили за пятьсот долларов.

ШТУРМАН

Я не считаю, что нас должны были выкупать. Мы работали на противника. Летай за своих – может быть, тебя и выкупят, если будут свободные деньги. Это не значит, что я считаю, что правительство Анголы лучше или хуже повстанцев, – видимо, все они одного поля ягода, одинаковое дерьмо!

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Все время кто-то бежал, но я-то куда побегу? К белым?! В тюремной одежде можно было бежать в Йоханесбург или сразу в Москву.

В Африке тоже все подкупаемо. Как и у нас. Сидели у нас два солдата, и за деньги сторожа отвезли их куда-то к девкам на квартиру. Уже оттуда солдаты сбежали. Виновные получали взыскание. Нас бы, наверное, на квартиру не повезли. Громкое дело. Гриф «стеречь строго и к бабам не возить»! Вот точная картина моего мира: камера – кровать, тумбочка, лампочка в потолке. Просыпаешься ночью и пытаешься сообразить, где же ты находишься. Может быть, это уже рай! Поют ночные птички. В раю узкая аллея между стен, высокая пятиметровая стена.

Бежать нельзя. Время стало бесформенным и тусклым. Я начал понимать, что все кончится пожизненным заключением с этим Бучковым и кашей фу-фу.

МЕСЬЕ ПАПИ КАЗАДИ

Мы привыкли к тому, что Африку пытаются принизить и запятнать. В России пишут, что в Африке много СПИДа. Но давно доказано, что СПИД появился в USA, а не в Африке. Но американцы не хотят в этом признаваться. В Заире почти нет наркотиков, и поэтому больных СПИДом совсем мало. А будет еще меньше, если юноши будут пользоваться презервативами. А тут есть сложность!

Предположим, молодой человек хочет купить презерватив, но в своем районе покупать очень страшно, потому что аптекарь может сказать маме. И нужно сказать, что тебя кто-нибудь послал! Например, старший брат! И тогда аптекарь вынужден будет тебе продать презерватив. Но не у всех получается соврать!

ШТУРМАН

С нами поступили предельно мягко. Дополнительную справедливость, скажу вам честно, можно и не искать! Я даже думаю, что страна останется нежизнеспособной, если поступать со своими гражданами так мягко, как с нами. Там нас пожалели, возили в тюрьму еду, еще давали на курево, не наказали за то, что мы помогаем врагам, помогли сбежать, еще здесь не посадили, волчьего

билета не дали – чего больше желать?! Знаете, как это называется? Это называется коммунизмом.

7.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Всего одна строчка, которая у меня с Родиной вызывает разное толкование. Родина считает, что я упал на африканский базар и народу помял меньше, чем в Хиросиме, но достаточно много. А у меня другое мнение, что я никуда не падал. И между нами черное облако, как тот эбонитовый стражник, который разносит нам похлебку. Распутывать тьму, которая передо мной, оставалось еще 320 дней. Я их не отсижу, но я еще этого не знаю.

В конце второго процесса я продолжал говорить, что не признаю себя виновными и считаю, что мы тоже жертвы. А Бучков стал каяться, говорил, простите меня, я был стажером.

Адвокат сказал мне, что надо быть из резины, а не из фаянса. Из фаянса делают унитазы.

МИСТЕР РОБИНСОН

Я услышал по телевизору историю, как в Москве убили двух ангольцев. И тогда начальника милиции спросили, что он успел сделать. А тот сказал, что нападавших было 20 человек, и не понятно, кто именно убивал, поэтому он ничего и не делал. Вот у нас в Заире при убийстве иностранца такого быть не могло бы, арестовали бы всех двадцать.

МЕСЬЕ ПАПИ КАЗАДИ

Я понял теперь, что и русские все неодинаковы. Есть хорошие люди и есть плохие люди. Много некрасивых людей и много красивых людей. Девушки тоже бывают замечательными красавицами, но жалко, что они недолго остаются красивыми. В Заире красивая женщина остается красивой до пятидесяти лет. Правда, я не обманываю, не меньше чем до пятидесяти!

ШТУРМАН

Когда меня освободили, в посольстве был разработан план «Beach» – как меня переправить на ту сторону. Конго – это широченная река, она шире Невы ровно в два раза! Я думал, что меня повезут на лодке, но консул сказал, что сойдет и так, поедem на обычном пароме. Настроение было преотвратным. Я предложил консулу, чтобы я остался и продолжал свидетельствовать на заседаниях суда, но дешевле было меня отправить. Я был под подпиской о невыезде, но посольство брало это на себя. Нормальное посольство: все люди – профессионалы, все на месте, делают, что могут. А через свою голову никому не перепрыгнуть! Не им одним. Со мной обращались хорошо, ничего не могу добавить: мне на дипломатов обижаться не за что. Во время переправы меня прикрывал сам консул и несколько посольских работников. И заирец, шут-переводчик, который должен был перевести меня на другой берег. Когда мы подошли к парому, толпа мешочников пыталась прорвать цепь пограничников, а возбужденные автоматчики грубо их расталкивали. Толпа – это толпа. Вот такую толпу мы отправили на тот свет. Теперь я хоть понимаю, как выглядели наши жертвы. Вот и все. Я уезжаю, а ребята остаются. Когда я выходил из тюрьмы, то разлука с товарищами, казалась мне чем-то временным. А теперь она звучала как «навсегда». Теперь мне всю жизнь таскать на себе вину, раз я их там бросил, считай, предал. Пока они не освободятся, этот вкус предательства будет торчать у меня в глотке. А пока я высокопарно приговаривал свое «лучше б мне остаться»! Но скоро нас попросили записать номера наших паспортов, и переводчик, поискав клочок бумаги, ничего не нашел и записал номера на выцветшей бумажной купюре. И через несколько минут после этого к нам подошел черный офицер и вырвал из рук наши паспорта. Провал! В глазах все потемнело, и сердце у меня снова ухнуло в пропасть. Значит, все-таки свое желание вернуться в тюрьму я слегка преувеличил! Сладкая ложь не выдержала испытаний! Но тут выяснилось, что неприятности не у меня, а у переводчика: он ухитрился написать свой дурацкий номер паспорта прямо на портрете толсторожего президента Мобуту, ну как есть, от уха до уха. И беднягу переводчика сначала взяли под руки, а потом вверх по трапу, подталкивая автоматами, повели обратно на берег. Прямо в костер. Я остался один как сирота, сжал в руках металлические поручни и так, не шелохнувшись, достоял до браззавильского берега. Когда я сходил по грязному трапу, я дал себе слово, что теперь не дам себя уговорить лететь куда-нибудь за границу на заработки.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Если человек делает то, что он должен сделать, и при этом оказывается за решеткой, значит, его подставили. Это аксиома.

Существует загадочное темное облако. При том, что самолет сгорел, все улики разворовали и материальным остался только путь моего пробега, это облако навсегда останется темным. Трупы нужно кем-то заткнуть, и летчик совершенно подходящая для этого фигура. Самолет не вел себя как перегруженный, но он не смог развить нужную мощность. Аминь! Консул передал мне, что, по мнению американцев, катастрофа была подстроена. В это можно поверить. Авиаринок заполонили наши самолеты. И катастрофа выгодна была многим. Вот этот узел мне не распутать.

Но все-таки первым глобальным выводом будет то, что в стране третьего мира ты должен сам ездить на погрузку, нет такой погрузки, на которой ты не должен присутствовать, и нет людей, которым ты можешь доверять. И еще мой вывод, что в момент взлета ты не видишь, что под тобой базар. Нужно протаранить его брюхом, чтобы ты это понял. А когда ты взлетаешь, под тобой всегда грязный уличный базар, шоколадные невесты. Торговцы мочалками, черные цыгане. И на то, что они торгуют на посадочной полосе, нет никаких инструкций.

ШТУРМАН

Я все вспоминал в тюрьме, как в Питере молодежь ходила бить негров.

В Пушкине в парке толпами рыскали, искали черных. Самого Пушкина бы там хорошо оттянули, удачно, что он умер. А одного негра в Питере даже повесили. Я спрашивал парня, который бил черных: что у тебя было в голове. А он говорит:

«...поверишь – ничего. Не могу даже вспомнить. Меня раздражало, что они спят с белыми женщинами».

МИСТЕР РОБИНСОН

Понимаете, я так подробно рассказывал про секс, чтобы сказать, что диких мест на земле уже не осталось. В моей стране уже много-много лет сильные большие церкви и люди читают Библию. Есть очень много знатоков, у которых

подчеркнуты строчки почти на каждой странице. И самолет задавил не просто толпу диких людей, он задавил толпу людей. Киншаса – это большой обычный южный город, в Киншасе все очень хорошо одеваются, стараются носить французскую одежду. С голой грудью там девушки, конечно, не ходят.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Базар, всюду базар. Просто ты берешь штурвал на себя, и базар тебе не виден. А потом тебя стряхивают, как муху с крыла.

МЕСЬЕ ПАПИ КАЗАДИ

Вы не думайте, что я побежал туда смотреть. Чтобы попасть в университет, я стал обходить аэропорт и рынок по очень далекой дороге! А на сам рынок я не мог зайти целых две недели, потому что мне очень было больно. В одно утро наш пастор попросил меня сходить и узнать, что происходит в месте, где погибла его жена.

Рынок был закрыт. И только достаточно далеко, метрах в трехстах, продавали воду.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Если мне пытаться влезать в это темное облако, в котором замешаны все вокруг, то виновных не найти никогда. И если на пути моей жизни будет оставаться это облако, то передо мной тупик. Но можно представить себе, что я оставил это облако позади. Что моя судьба временно передавала меня с вилки на вилку. И картина сразу проясняется. Судьба четко спланировала мой сценарий! Она, эта циничная гражданка, вместе со мной осматривала самолет в Пушкине, потом привезла меня в Москву. Судьба сажала мой самолет в Саудовской Аравии. Летела со мной над Средиземным морем и с интересом свешивалась за борт. При этом судьба все время знала, что она со мной вытворит! Что это не мой самолет, а мой гроб. Но! Судьба оказалась достаточно гуманной: меня привели в Заир, мне устроили катастрофу, но мне сохранили жизнь и сразу дали отслужить наказание! Головой я осознаю, что сидеть в заключении для меня – это счастье. Мне дали отсидеть за чьи-то грехи, и я сразу становлюсь свободен, как ветер, жизнь можно начать сначала!

Но чтобы поверить в это счастье, нужно сбросить с себя груз случившегося, а я пока не могу. И боюсь, что не смогу. Не начать жить, пока

ищешь виновных. А я продолжаю их искать. И тогда это будет пожизненный груз на моей шее, камень, который утянет меня на дно. Можно поговорить с судьбой! «Чего ты хочешь, судьба, ты хочешь, чтобы я больше не летал? Ты победила!»

Что же это за тайна, в которую я вместе со вторым пилотом Бучковым был вpletен? Какой внутренний смысл всей этой трагедии? Внутренний смысл во всем быть должен.

Такова моя судьба. Ее можно отмыть мочалкой. Забыть обо всем, выйти завтра на улицу, улыбнуться дворничихе и начать жизнь сначала. Собственно, все. Как пишут в кинофильмах, «the end»! Что вертится у меня в мыслях, так это попытка выяснить, почему капитан корабля должен покидать корабль последним.

Хоть это, может быть, не его вина, что корабль тонет. Или его вина. Или ничья вина. Или в корабль попала торпеда. И вот мой вывод: капитан должен покидать борт последним, потому что он в ответе за все. Вот поэтому я сижу.

ШТУРМАН

Пока я сидел в консульстве Бразавиля я целыми днями писал объяснительную записку. Председатель комиссии заставлял меня переписывать мою записку снова и снова. «Мало, плохо, еще!» Не знаю, что он там хотел услышать. Так я и писал «объяснительную» прямо до московского самолета. Уже когда меня везли в аэропорт, он вдруг вспомнил: «Ой, да для тебя же есть письмо от какой-то женщины, забыл тебе отдать! Да тебе это письмо и ни к чему, ты там скоро сам будешь! Говорят, там не могли отбиться от нее, всем она тобою голову заморочила. Молодец, настырная баба! Кто она тебе, жена?»

МИСТЕР РОБИНСОН

Мы в Заире думаем, что ваш президент просил нашего президента: дайте им обязательно посидеть в тюрьме, но по какой-нибудь легкой статье! У вас хорошее правительство! Там сидят умные люди! Но у меня есть сомнения, ведь был второй процесс? Я думаю, что срок был продлен!

Вы точно знаете, что летчиков отпустили? Я почти уверен, что они еще в заключении.

8.

От тюрьмы и сумы не зарекайся.

(Пословица)

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Я много думал об этой пословице. Теперь мне понятно, что зарекаться нельзя, но мне важно понять, дают ли тюрьма и сума какой-нибудь иммунитет. Можно ли отсидеть свое и больше никогда о тюрьме не думать? Скорее всего, раньше сядешь – не «раньше выйдешь», а просто дольше будешь сидеть. И пока еще дышишь и живешь среди подобных себе людей, расслабляться нельзя никогда. Если вы знаете более правильный ответ, напишите мне, пожалуйста, на адрес центральной тюрьмы Киншасы,

«Централь де Макала», они со мной в контакте! Мой портрет висит в тюремном красном уголке, и письмо они перешлют.

.....

.....

.....

.....

Обслуга тюрьмы говорила, что бегут войска, бегут полицейские, начались погромы. По ночам взрывы и стрельба. Грабили богатых. Грабителями были военные и молодежные банды. Персонал заметно нервничал. Тюремная лавочка закрылась навсегда. В день посещений консул с продуктами впервые не появился. Я решил, что посольство эвакуировалось.

16-го мая тюрьму не открывали и охранники исчезли. На вышках тоже не было ни души. Ровно в полдень смертники проломили стену своего барака и с тесаками ворвались к нам. Идея их была начать с богатых бараков, и до меня они потрясли всех бельгийцев. А уже потом двое бандюг ворвались ко мне. По-французски оскалились, «калм месье», «спокойно». Обычные негры, только

полуголые, их в бараках строгих режимов никогда не одевают. Видимо, чтобы реже сбегали. Один стоял с тесаком у головы, а второй ворошил мои вещи. Портфель мне было жалко, там хранилось много материалов по следствию, вся расшифровка экспертов, выводы комиссий и фотографии. И на черта ему сдался мой портфель! Этот бандит – теперь единственный человек в Киншасе с кожаным портфелем! Денег там было всего тридцать долларов, ерунда. Еще были хорошие французские туфли. Туфли смертники забрали в первую очередь, они висели в целлофановом пакете на гвозде. Бандиты видели, что мы в туфлях. Они следили за нами на общих перекличках, такие происходили время от времени. Обычно когда кто-нибудь сбегал. Я-то их не очень различал, видел перед собой только оборванную черную толпу заключенных, с белыми зубами, а вот они мои туфли присмотрели.

Когда бандиты убежали, я еще пытался собрать какие-то вещи, но товарищи-заключенные потащили меня за руку, «пошли, дескать, скорее, непонятно, что теперь произойдет». Может быть, начнут расстреливать. Просто так. Чтобы согреться. Это не пессимизм на бегу, это мой чистой воды жизненный опыт. От жизни не следует ждать ничего хорошего, и она тебя никогда в этом не обманет.

Меня тащил черный инженер из Руанды, вместе с которым я просидел год. Он сидел за промышленный шпионаж! За ним самим кто-то уже приехал, но до отъезда инженер хотел устроить нас, двух белых русских, в самом надежном месте. И буквально силой меня притащили к пастору. Сами мы хотели пешком искать посольство, я думаю, что окажись я на луне, я бы тоже сразу побрел искать российское посольство! «Шпрехен зи дейч» и вперед, вот что значит старая советская закалка! Вы замечаете, что все, что сейчас происходит в жизни, давно уже описано и отснято?! И жизнь оказывается каким-то нелепым повторением кошмарных подростковых кинофильмов. Полковника Штирлица в доме у тюремного пастора не оказалось. Вообще-то раньше мы с этим пастором подолгу беседовали. Сладкий до тошноты! Он любил говорить заключенным про двух почтенных женщин: про Веру и про Надежду – это был его любимый конек. Надо быть форменным идиотом, чтобы верить его задушевному тону. Когда я его слушал, я начинал представлять себе этих дам двумя толстыми заирскими старухами в синих форменных юбках. Сейчас пастор был не очень доволен. И не особенно свое раздражение скрывал. Но записку мою, поворчав

по-французски, взял и послал служанку с запиской в российское посольство. Я тупым карандашом накалякал консулу наш адрес.

И мы уселись ждать. Как выяснилось, ненадолго: ночью молодежная банда наехала на пасторскую виллу и принялась ее громить. Я органически не выношу молодежь, да и вообще людей, у которых нет ничего святого.

Все-таки это хамство, трогать дома попов и пасторов, тут и кресты на воротах, и все такое, но жаловаться было некому. Только в ООН, в Комиссию по правам священнослужителей. Минут через двадцать мы поняли, что пастор и вся его многочисленная обслуга – сбежали. Фрау Веру и фрейлян Надежду пастор тоже прихватил с собой. И мы остались в комнате, запертые на ключ. Второй налет за два часа – это уже слишком много! Опять гражданская война и ломаются подкуренные махновцы! Хочется сразу обратно в свою камеру досидеть положенный срок, только бы тебя так не дергали. Дом ходил ходуном, выносили все, что попадало под руку, но нашу комнату долго не удавалось вскрыть. Наконец эти парни высадили окно и ворвались к нам. Тут они увидели нас и немножко остолбенели. Что хорошо в Африке, так это уважение к белым, которое очень глубоко и надолго запало в сознание людей! Призадумался!

МИСТЕР РОБИНСОН

Мы не очень по-разному относимся к белым и к черным. Африканцы с уважением относятся вообще к людям, они стараются ценить разных людей, так нас учили.

МЕСЬЕ ПАПИ КАЗАДИ

У президента Кабиллы первый язык не лингала, а суахили. Как у моих папы и мамы! Кабилла шел в Киншасу с Востока. Но он действительно уже не правит, говорят, что его убил сын. Так говорят, достоверно никто не знает.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Мы сидели со вторым пилотом на диване с вышитыми подушечками, а кругом был черный погром. Они были вооружены прутьями и ножами, но вместо комнаты с церковным добром молодые бандиты увидели двух страшных белых людей с белыми босыми ногами. В доме у черного тюремного пастора. Шок. Зато когда они узнали, что мы «беглые каторжники», они не только прониклись к нам уважением, но сразу стали подыскивать для нас обувь.

Первым делом притащили нам хозяйские тапочки. И в темноте нас куда-то повели. А за нашей спиной на повозки загружался орган и дорогая пасторская мебель.

Следующей нашей пристанью стала еще одна церковь, где орудовала другая, уже взрослая банда. И мы поняли, что нас расценили товаром, на котором можно заработать. Ночью нас держали в каком-то сарае, в углу кто-то пыхтел и хрюкал, но посыльный в российское посольство был отправлен немедленно. Не хотелось ни есть, ни спать. Еды мы не касались уже целые сутки, пастор нам тоже не предлагал, но курили мы очень много. Утром мы рассмотрели место, где мы находимся: это был самый натуральный хлев. И тут открывается дверь и входят первый секретарь посольства и консул. Как два принца крови в хлеву, среди свиней! Я им впервые обрадовался. Первый секретарь положил нам руки на плечи, как Рембрандт своему блудному сыну. А после этого он достал из кармана толстую пачку местных денег. Вот это было непростительной глупостью. Нас облепило человек сто, я понял, что они разорвут нас на части. Там был не только шестидесятилетний главарь с сыновьями, но еще десятки еще каких-то старух, детей, инвалидов, беременных женщин, обсаженных мухами. Консул даже получил не очень тяжелым предметом по голове, и, чтобы эти люди нас выпустили, посольской охране пришлось пальнуть в воздух из автоматов. Толпа на мгновение отхлынула, первый секретарь швырнул деньги куда-то за их спины, и мы дали деру.

МИСТЕР РОБИНСОН

При Мобуту было довольно плохо, потому что было мало демократии, и это он убил Лумумбу и правил сам один столько лет. Но сейчас, конечно, в Заире еще немножко нехорошо, даже хуже, чем при Мобуту.

Называется это демократией, но противники режима часто садятся в тюрьму. Потому что все время война и обстановка не очень хорошая, и мама говорит, чтобы я пока не возвращался. Политика у нас динамичная. А Лумумба был герой и очень хороший человек. Правда, он тоже убил правительство, когда начинал править, может быть, без этого нельзя! Но вот правил Лумумба очень хорошо. Страна была спокойна, все люди радовались жизни! Нам даже не нужны были выборы, мы знали, что любой другой правитель будет хуже.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Все. История почти закончена. Мы молча ехали по улицам Киншасы. Отличный городок, очень рекомендую! Навстречу нам по пустым улицам шли цепочки повстанцев Кабиллы. Затылок в затылок, «калаш» к «калашу», девчонки с гранатометами, все в одной форме, одеты с иголки, вовремя они пришли. Спасибо вам, мосье Кабилла! Хороший был революционер и человек! Сейчас его застрелил его собственный сын, который теперь государством Заир и правит. Тоже, видимо, хороший революционер и хороший стрелок. Так что, если кто-то хочет съездить подзаработать, нужно внимательнее следить за африканской политикой.

МЕСЬЕ ПАПИ КАЗАДИ

Про сегодняшнюю политику нам лучше не говорить ничего. Вы ничего не спрашивайте, а я ничего не буду отвечать!

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

А пока мы десять дней просидели в посольстве. Ждали, пока выдастся подходящий момент и нас переправят в стареньком «дугласе» в одну дружественную африканскую страну неподалеку. Сначала нас туда пытались переправить на лодке, но спецслужбы Заира были начеку, и была команда «отставить». Происходит революция, власть в стране переменялась, а спецслужба работает в прежнем режиме, ее перемены не касаются! Черные заирские чекисты не дремали. Прошло целых пять дней до момента, когда нас удалось вывести с основного городского аэродрома. Из аэропорта Симбазикида никогда не взлетит больше ни один самолет. Never! Аэропорт с его многочисленными авиакомпаниями прекратил свое существование. Все разлетелись кто куда, что наши, что украинцы, что молдаване, что узбеки. Поищите их в горячих точках! Знаете, меня всегда волновало: ну как это наши молодые девушки рискуют ездить на заработки за границу. Ведь ясно же, как день, что ничем кроме борделей и панелей это закончиться не может. А для тех, кто сразу рассчитывает на бордели и панели, дело кончается рабством. И все равно едут. Сдают каким-то проходимцам паспорта и с этого момента больше себе не принадлежат.

А молодые девчонки, скорее всего, точно так же думают о летчиках.

МИСТЕР РОБИНСОН

Думаю, что за Мобуту стояли бельгийцы, но информации было мало, и это только мои догадки. Но Мобуту сделал лингала национальным языком, и при нем мы все стали чувствовать себя заирцами. Уже независимо от языка. Он убралвсякий «трибализм», национальных кланов у нас больше нет. Это хорошо. От диктаторов тоже есть какая-то польза.

МЕСЬЕ ПАПИ КАЗАДИ

Много лет прошло, а мое чувство, что я мог предотвратить трагедию, не проходит... Есть люди, которые поверили, что я заранее знал о беде, которая произойдет в районе рынка Симбазикида. Даже стали приходить ко мне и спрашивать совета, как у гадалки.

Я только смеялся, я говорил, что я не знаю будущего, «перестаньте перекладывать на меня свои проблемы!»

А потом поговорить ко мне пришла дочка нашего пастора.

После того, как самолет убил ее мать, она стала испытывать кошмары, и я пытался ее успокоить. Так страшная смерть ее матери, которую я не сумел предупредить, связала нас с Летицией. Целых три года назад она стала моей невестой. Мы давно не видимся, потому что я получаю образование в чужой стране.

ШТУРМАН

Никто никогда не узнает, что же с нами произошло. И не нужно это узнавать. Правда всегда оказывается хуже, чем незнание. Вам всплывет такая правда, что не захочется жить. Не нужно вам ее знать! Никогда не допытывайтесь, не выясняйте, и вы останетесь счастливым человеком. Хотите понять, почему вы не знаете мучающей тайны? Это вас берегут. Значит, там хранится правда, которая страшнее страшных снов. Вот и здесь в Киншасе, на аэродроме Ндол'о, была зарыта такая правда.

9.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Летчик – это простой человек. В тот момент, когда у вас появляются другие мысли, вас сразу ставят на место. И хирург, который оперирует на открытом сердце, – тоже не сверхчеловек, это обычный человек. Я видел пару таких хирургов! Удивительные козлы! А начальник аэропорта – вот это уже не совсем простой человек, потому что тут вопрос касается денег. И сын президента Мобуту, который является главой авиакомпании «Заирский воздух», это тоже не простой человек! А Демократия – это миф для идиотов. За три тысячи лет мир не изменился: сыновья президентов не сидят! Они сбегают в Марокко.

И последним всюду оказывается простой человек, жизнь которого совершенно никому не важна, даже его родителям.

А мне осталось еще 10 минут полета по чужим документам, и с бельгийским Конго будет покончено навсегда!

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

«Майор Бомон» в исполнении популярного актера Бельмондо отправляется на Родину. Родина улыбнется мне равнодушно, она ничего не помнит, она не помнит людей, которых она продает. Человек чувствует, что за ним стоит махина, его Родина, уж она-то подстрахует! И вот с этим ощущением ты живешь, а потом оказывается, что за твоей спиной была пустота и никто тебя не страховал, и для меня моя Родина – это только я сам!

Где я сейчас? Ты определяешь отношения с Родиной.

Никакой Родины не существует, это только миф.

Домой я летел на ТУ-154, с документами в кармане «для потерявших паспорт за границей». Сидел у окна, совершенно один, слушал Пугачеву и старался ни о чем не думать. В Москве у трапа нас ожидали два человека. Я понял, что я думал об этом и ждал их у трапа в течение всей поездки. Вот так я всегда сам кличу себе беду! Люди в штатском попросили всех пассажиров подождать, а нас выйти первыми. Вот и развязка – Лубянка! Я понял, что сейчас

наденут наручники и поведут. Но нас никуда не повели. «Вам что-нибудь нужно, ребята? – спросили нас эти люди. – Дальше сами справитесь?»

Мы сказали, что нам ничего не нужно и мы справимся еще как. Я поболтал с молдавским экипажем, который возвращался домой, и наблюдал, как второй пилот прошел паспортный контроль. Встретимся на страшном суде! Лучше бы до этого мне этого мальчика не видеть.

Меня пока не посадили. Уже три года на ненужной мне свободе я получаю пенсию. Полторы тысячи рубчиков и бесплатный проезд в трамвае, который очень редко ходит. Водителем трамвая мне не устроиться по возрасту. Свою службу вдали от России я отслужил, и без торжеств меня проводили в запас. Думаю, что, будь я космонавтом, со мной обошлись бы не лучше. И центральные газеты формулируют событие как «долетел до рынка и упал», и для тех, кто понимает, это меняет смысловую окраску произошедшего. Газеты формулируют все так, как это нужно сильным этого мира. Все продажно. Это медицинский факт.

МИСТЕР РОБИНСОН

Я видел много людей, которые пострадали в тот день. Они не винят летчиков. Об этом дне мог бы написать какой-нибудь хороший заирский писатель. Такой, как Заминга, это очень хороший писатель, может быть, вы читали, он пишет на французском. У него есть книги и на лингала. Но их мало кто читает. Наши учителя вообще не понимают лингала. Я знаю, что в Петербурге раньше тоже культурные люди говорили только по-французски!

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Нужно почесать в затылке и решить, что я родился заново, но уже не летчиком. Сантехником, уж точно, можно заработать приличные деньги. Не хуже, чем в Киншасе. Каждое лето на месяц я устраиваюсь на работу в аэроклуб и летаю на простой машине. Очень простой! Мотор и крылья, больше нет ничего. Нанимает меня всегда странная публика. Я научился уже сам отличать темных предпринимателей. Чего-то их потянуло к авиации!

Иногда я перезваниваюсь с консулом, который приютил меня после Киншасы. Его жена пекла нам домашние ватрушки. Если бы я верил в Бога, то просил бы его не забыть милую жену консула. Но я реальный человек, я верю только в то, что я вижу перед собой. Больше ничего не случилось, до

противности, до омерзения – ничего. Лучше бы меня дома не отпустили, а взяли бы в Шереметьево и нормально посадили, а не выкинули, как розовый гандон. За границей вообще сидеть стыдно, как будто ты был в санатории. Меньше всего ощущаешь себя героем, и если и есть какие-то чувства, то только отчуждение и брезгливость. И хоть с кем-нибудь можно было бы поделиться этой проклятой Африкой.

Пора решать, как и зачем мне жить дальше.

ШТУРМАН

А я вот что скажу! Родина – это иллюзия. Я ей принадлежу, но ничегошеньки от нее не жду. Родина – это место, где ты не отличаешься от прохожих цветом кожи и тебя не бьют по роже за то, что ты желтый или черный. Это не очень много. И не очень мало. Я помню угол улицы Восьмой Советской и Суворовского с четырех лет – вот и вся моя Родина, никаких иллюзий. Никаким березовым соком Родина тебя щедро поить не станет, да и не должна. Если хочешь, пей его сам, никто тебе не мешает. В Канаде, это я точно знаю, такие же березы и сок такого же вкуса, только еще экологически чистый. Но большинству людей безопаснее пить свой! Только вы не ждите, что корявая береза должна при этом испытывать радостные эмоции.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Не успеешь оглянуться, и новый год, но уже посторонний мне новый год. Тот новый год был пять лет назад. Знаете, даже про футболистов, про кумиров у нас говорят «отработанный материал». Очень точное определение. Я вдруг сразу стал никому не нужен. Как опальный Ежов. Я даже не жалею, просто пытаюсь всех предупредить, что вас может ждать в следующие три секунды.

Раньше, когда девушки узнавали, что ты летчик, у них замирало сердце. И, чего греха таить, это было существенным моментом в профессии летчика. Сейчас у девушек ничего не замирает. Я даже не помню, что там у них есть, что может замирать. Как называются эти части тела. Может быть, я просто постарел.

3 тысячи долларов у меня украли соседи-алкоголики. Хоть квартира была опечатана государственной печатью! Теоретически деньги могли взять люди, которые ее опечатывали. Потому что они обычно очень внимательные люди, и они не пропускают подозрительные зеленые бумажки. Или они могли взять

доллары из самых хороших побуждений, опасаясь соседей- алкоголиков. Провалились они пропадом!

МИСТЕР РОБИНСОН

Через сто лет у нас все будут говорить на лингала. Это нормальный язык, в нем достаточно слов, чтобы изучать, например, электротехнику. И Библия переведена на лингала. Я могу вам написать это: «Vibilia ekomoma na lingala».

МЕСЬЕ ПАПИ КАЗАДИ

Мои родные и моя невеста спрашивают меня по телефону, почему ты не уедешь из страны, где много

«скинхедов»? Но у меня есть ответственность перед семьей. Я должен получить образование, поэтому я терплю и не уезжаю. Зато я теперь стараюсь внимательно себя слушать. Перед тем как меня до полусмерти избили у метро, мне опять внушали большую тревогу! Но я себе не поверил.

ШТУРМАН

Я оцениваю летчика по тому, как он сажает машину. Это не объяснить, какие-то неуловимые движения, по которым я вижу, что это классный летчик. И я думаю, что он может летать на всем, как испытатель, даже на вертолетах.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Вертолет – это другое мышление летчика, это всегда другая логика. Я водил вертолеты, но работать на них я не могу. И я не скажу про себя, что я «на всем» летаю.

Справа, как пассажир? «Справа» – конечно! Справа лететь сможете и вы. А мне, чтобы пересесть на другой тип самолета, нужно часов сто, из которых большая часть будут «взлет-посадки».

Но если бы я сам брал пилотов на работу, то я выбирал бы только благополучных летчиков. Лучше всего брать вовсе «не летавших». По такой логике их на работу и берут.

В Питере меня через год пригласили в транспортную прокуратуру. Позвонил старший следователь. «Была бумага из Москвы с просьбой опросить вас как свидетеля», – сухо сказал он.

МИСТЕР РОБИНСОН

Хотел бы я повидаться с летчиками русского самолета? Простите меня, нет! Я уже думал об этом. Дело не в том, что кожа разного цвета! Но и в этом тоже. Если бы это были черные летчики, то я постарался бы понять, что они испытывают. Но я не верю, что европейцы вообще в состоянии испытывать чувство раскаяния. Я не уверен, что мы сможем понять друг друга. И не хочу пробовать.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

После тюрьмы прошло уже три года.

Первую «книжку летчика» мне со скрипом отдали, вторая сгорела в самолете. Я рассматриваю свою старую

«книгу летчика» и понимаю, что все-таки я знаю еще не всю страну. Я не очень хорошо знаю Камчатку: там я в основном летал в Петропавловск. Зато Якутию, конечно, знаю всю. Красноярский край – весь! Побережье Северного Ледовитого океана я знаю слабее, правда, в Анадыре я сидел десять дней, Алтай весь, да и остальную Россию – всю. Знаю ее сверху. Африку я знаю похуже. Про мою Африку была статья в Огоньке, август 96-го. Она передо мной, я просматриваю ее... Профессиональных обвинений тут нет. Но сказано небрежно: «Летчики, конечно, виноваты...».

Из-за этой статьи обо мне слышало довольно много людей. Бомжи, которые по утрам копаются около нашей помойки, слышали обо мне, все поголовно. Каждый из них когда-то кем-то был, они не всегда копались в помойках. Да и у меня теперь другая философия. Изменился ли я? Стал ли я после аварии другим человеком? Вообще-то я не верю, что в глубине души мужчина может за свою жизнь измениться. Это не в человеческих силах.

ШТУРМАН

Смешно сказать, но я приехал из Москвы дневным поездом и больше в воздух ни разу не поднимался. Документы мои сгорели, и вместе с ними сгорела моя старая кожа, есть такая сказка, все ее знают. Я отчасти продолжаю нести груз, мне бывает страшно и стыдно, но я хочу жить, а не быть надгробьем самому себе.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Я совершенно холост: моя женщина не захотела напрягать свою жизнь и вступать со мной в «траурные отношения». Я знаю, что она вышла за кого-то замуж. Значит, не было любви.

Все друзья мои сами дали понять, что они от меня отошли. Кругом тишина!

МИСТЕР РОБИНСОН

Кто-то считает, что летчики не могли не видеть рынка. И я решил это проверить! Я пошел на взлетную полосу в то самое место, куда самолет становится перед тем, как он стартует. На аэродроме никого не было и самолетов было всего только два, мне кажется, что они были заирскими. И как вы думаете, что я оттуда увидел? Я не буду рассказывать. Чтобы ответить на этот вопрос, даже не нужно летать в Киншасу. Просто выйдите на улицу и попробуйте отмерить на ней два километра. И сами получите ответ.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Стал бы я помогать какому-то летчику, с которым произошло то, что со мной? Сейчас я думаю, что да, но в реальности, скорее всего, нет. Такие знакомства бросают тень на репутацию. На суде экипаж, который мы меняли, я решил не упоминать. И не хочу лишний раз приплетать их и здесь. Но не исключено, что все случилось только из-за них. Сам я о тех московских летчиках больше ничего не слышал. Может быть, просто они не в курсе, что с нами произошло. Либо их карьера так безоблачна и прекрасна, что жалко было ее портить, вступая с нами в контакт! Понимаю их. Поэтому я старался их в наши неприятности не втягивать. Удачи им в небе! Над Питером сейчас дымка, видимость – километра четыре. You are cleared for take off. Taking off. Поехали. Начинаем разбег. Но мы не «поехали», а мы «проехали». Проехали мимо всего, нужно честно себе в этом признаться. Суть в том, что никакие прежние заслуги не работают. Это тоже один из моих главных жизненных выводов. Мне вообще не нужно было соваться в Москву – это место не для меня. Москва – это, как бы вам сказать, город не для плебеев. Можно развозить слюни про аристократизм Петербурга, но Питер сейчас объективно вторичный город, как старая народная актриса на пенсии. Все ее чтят, но сексуального желания она ни у кого не вызывает. А Москва – царская столица! И надо быть хищником, чтобы там

выжить, а во мне какого-то нужного хищного стержня не хватило. Вот этот соплив Бучков себе карьеру еще сделает, сейчас его время. А моя жизнь почему-то не сложилась. Все было отдано службе, на остальное меня не хватило. Разжимаешь ладонь, и в ней ничего нет. Нужно поддерживать в себе желание жить, вот этим я занят. Я не пессимист, я верю, что это вполне оптимистический рассказ, но иногда нападает страшная апатия, хоть иди к психологу.

На громадный пустой город надвигается новый год. Я пережил свою тысячу лет. Я даже не уверен, что мне нужно было перебираться в новое тысячелетие. Для чего? На профессионалов нет больше спроса. Остается ругаться с соседями и смотреть на небо из дворца-колодца. Надо бы мне чаще смотреть вверх. Я не разрешаю себе нагибаться и собирать бутылки из-под пива. За Балтику- троечку дают рубль. Моя пенсия равна сорока восьми бутылкам пива в день, я могу насобирать их за два с половиной часа. Может быть, настанет время, когда я переломлю в себе и эту последнюю гордость. У меня на стене висит фотография моего самолета и слова известного французского летчика.

«Мы не переставали надеяться, но время шло, и мало-помалу становилось поздно».